

МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ПОДВОДНЫЙ ТЕРМИНАТОР

Морской спецназ

Сергей Зверев

Подводный Терминатор

«Научная книга»

2004

Зверев С. И.

Подводный Терминатор / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2004 — (Морской спецназ)

Теракт на строительстве нефтепровода через Каспий задал спецслужбам задачу. Мало того, что взорван трубоукладчик и подсобный сухогруз, так еще осталась угроза нового взрыва. На задание послали проверенных бойцов – отряд старшего лейтенанта морского спецназа Сергея Павлова по прозвищу Полундра. Он отправился на Каспий и вскоре обнаружил диверсанта. Тот в акваланге и маске устанавливал мины на днище судна. Правда, диверсантом оказалась белокурая красавица...

© Зверев С. И., 2004

© Научная книга, 2004

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	33
ГЛАВА 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Подводный Терминатор

ГЛАВА 1

Может быть, тот, кто никогда не бывал на Каспии, не видел этого моря своими глазами, думает о нем со снисходительным презрением. Подумаешь, море! Огромная соленая лужа посреди низких песчаных берегов. Ни выхода в Мировой океан, ничего. Мелкое, как природная канава, и все в нефтяных пятнах, где и нормального шторма-то никогда не бывает. Так, большое соленое озеро. Вот Черное, это да, море, могучее, грозное, теплое и ласковое в хорошую погоду, но становящееся страшным в шторм. Или Балтийское – оно, правда, тоже мелкое, но зато, по крайней мере, это окно в Европу. А Каспийское море?..

Впрочем, попав впервые на Каспий и увидев море своими глазами, такой человек, – если только, конечно, он искренний и честный перед самим собой, – как правило, быстро меняет свое мнение.

С самого первого дня прибывшего отдохнуть на Каспий изумляет и очаровывает небо над морем – тихий, необыкновенно приятный и удивительно теплый, чуть зеленоватый тон, словно бы изумрудная каспийская вода сама отражается в небесной лазури. Наивный отдыхающий от души изумляется, как самые обычные, заурядные рыбаки, отправившись рано утром на обшарпанной моторной лодке порыбачить куда-нибудь на острова с небольшой сетью или даже простой удочкой, возвращаются к обеду с тремя или четырьмя двухметровыми осетрами. Выгружая из своих лодок на берег гигантских рыбин, они сокрушенно качают головами и жалуются на неудачу, ветхость инвентаря, не позволяющего вытащить из воды рыбу попримечнее, и на оскудение рыбного богатства Каспия, бессовестно разоряемого браконьерами.

Но обо всех этих красотах Каспийского моря и, может быть, даже об огромных и вкусных осетрах, которые плавают в его глубинах, едва ли думал в настоящий момент, стоя на мостике возле ходовой рубки своего судна, молодой, моложе тридцати лет, капитан-лейтенант, командир сторожевого пограничного катера Каспийской военной флотилии Российского военно-морского флота. Сторожевик лежал в дрейфе с заглушенными дизелями. Перед ним вплоть до самого горизонта расстилалось море, позади за кормой виднелся низменный, песчаный, едва поднимавшийся из воды, поросший тростником и осокой остров Чечень. Сильное морское течение, влекущее воды Каспия с севера на юг, сносило небольшое судно в сторону, каждые полчаса капитан-лейтенант должен был давать команду запустить двигатель и малым ходом вернуться на прежнюю позицию. Потому что сторожевой катер Федеральной пограничной службы находился в этом квадрате возле острова Чечень не просто так. Перед командиром была поставлена боевая задача – обеспечение спокойной и безопасной работы морского трубоукладочного судна, которое теперь, вцепившись в песчаное каспийское дно сразу целым десятком своих якорей, работало со всей своей мощью и энергией, укладывая на дно моря нитку трубы, сооружая федеральный нефтепровод, который должен был протянуться от российского побережья близ Чеченя до самого Апшеронского полуострова, принадлежащего Азербайджану. Там, собственно, и добывали нефть.

Морской трубоукладчик, большое, водоизмещением шестьдесят тысяч тонн, длиной в сто восемьдесят шесть метров и шириной в тридцать шесть метров судно, своим внешним видом больше всего напоминал широкую расхлябистую морскую баржу, на палубе которой установлен огромный, высотой тридцать метров, мощный порталный кран. Под краном на самой палубе, длинной, точно взлетно-посадочная полоса аэродрома, находились стапеля – особые, широкие стальные опоры качения, увенчанные рядами пневматических роликов. На

них устанавливалась, собиралась и сваривалась так называемая плеть, то есть собственно труба нефтепровода, которая потом укладывалась на дно. Сваривалась она из отрезков толстенных труб длиной в тридцать метров, одетых в прочную шубу из специального водоупорного бетона. Это покрытие выполняло роль балласта, обеспечивало широкой и пока что полой стальной трубе отрицательную плавучесть, – говоря по-человечески, способность лежать на дне моря, не всплывая на его поверхность, – а также противокоррозионную защиту и защиту от механических повреждений, то есть чтобы труба в едкой соленой морской воде не ржавела и случайное судно не зацепило за нее своим якорем, не повредило ее и не вызвало прорыва нефти.

На трубоукладчике собирались и сваривались плети длиной по сто восемьдесят метров, соответственно, такой же длины должны были быть и стапеля. В оставшихся шести метрах располагалась палубная надстройка, высокая, как многоэтажный дом, и казавшаяся до смешного маленькой и узкой в сравнении со всей длиной судна. Однако в ней, кроме ходовой рубки, центра управления и прочих необходимых любому кораблю помещений, располагались каюты на триста человек персонала. Впрочем, эти каюты редко были заняты больше чем наполовину. Для нормального монтажа нефтепровода вполне достаточно ста пятидесяти или ста семидесяти человек. На этом же работающем на Каспии трубоукладчике в настоящий момент находилось, если быть совсем уж точным, не считая команды, около сотни рабочих. Этой сотне, надо сказать, платили приличные деньги. Но рабочим приходилось выкладываться как следует, не ходить по палубе вразвалочку, а бегать вприпрыжку, задыхаясь от натуги, про непременно же перекуры надо было и вовсе позабыть. В конце смены рабочие возвращались в свои каюты и буквально падали на койки от усталости, тут же засыпая мертвым сном.

Трубоукладчик своим мощным порталным краном достал из трюма, где умещалось в общей сложности до двух километров уже заранее приготовленных, одетых в бетонную и противокоррозионную изоляцию труб, один из таких скромных отрезков длиной в тридцать метров. Рабочие в желто-коричневых строительных комбинезонах начали заводить огромный цилиндрический кусок металла на положенное ему место на стапелях. Там уже лежала почти готовая, вытянутая во всю длину судна плеть, которой недоставало до совершенства одного только тридцатиметрового куска. Этот кусок и уложили теперь вплотную к последнему, не одетому еще в бетон концу нефтепровода. Спустившийся на специальном подъемнике автоматический сварочный аппарат обхватил своими фиксаторами, как клешнями, круглую трубу, засверкал ослепительной беловато-синей вольтовой дугой, посыпались, полились потоком на палубу оранжево-желтые искры. Сварочный аппарат оборачивался вокруг своей оси, проводя толстый прочный шов по всей окружности трубы. А в это время рабочие уже подцепили к порталному крану огромную, по величине вдвое большую, чем та, что устанавливается на автомашинах, бетономешалку. Непрерывно вращаясь, она уже приготовила бетон для изоляции им места сварки. Вот сварочный аппарат, закончив свою работу, разжал клешни-фиксаторы и отодвинулся в сторону. Бочонок бетономешалки прекратил свое вращение, завис прямо над местом сварки и, опрокинувшись, вывалил на еще дымящийся свежий сварной шов серую массу бетона. Подскочившие с лопатами рабочие тут же вручную умело разравнивали вязкий и уже начавший твердеть бетон, придавая ему округлую форму. Излишки падали на палубу, их частично подбирали лопатами, кидали обратно в бетономешалку, которая специально для этого продолжала висеть низко над изготавливаемой плетью.

Наконец начальник монтажных работ дал капитану трубоукладчика знак, что сборка нового отрезка плети завершена. Портальный кран над стапелями замер, но зато глухо взревели, зарокотали мощные дизеля где-то в корпусе огромного судна, из его небольшой трубы вырвалось облачко едких выхлопных газов. За кормой трубоукладчика вспенилась морская вода, огромное судно медленно, осторожно сдвинулось с места, стало продвигаться вперед, а находящаяся на стапелях труба соответственно метр за метром уходила под воду, погружалась в морскую пучину. Чтобы плеть не соскользнула в море раньше времени и не утопила свой

конец, к которому еще предстояло приварить следующую плеть, ее придерживало на направляющих пневматических роликах специальное натяжное устройство. После схода со стапелей тело трубы не сразу укладывалось на глубину, а сначала оказывалось на длинной, под наклоном уходящей в воду стальной платформе, также оборудованной направляющими роликами. Эта платформа длиной в сотню метров на жаргоне технарей называлась жесткой приставкой. Устроена она была для того, чтобы труба, попав в воду, не сразу опускалась на дно, но оставалась некоторое время в более-менее распрямленном положении. Иначе велика была опасность, что сталь, такая прочная и нерушимая с виду, под собственной тяжестью прогнется и переломится. Для этой же самой цели к трубе на определенном расстоянии друг от друга прикрепляли цилиндрические понтоны, которые, по задумке, должны были сами собой отделиться от трубы и всплыть на поверхность моря. Эти понтоны теперь, по мере того, как труба уходила под воду, нацепляла специальная группа рабочих, находящаяся на той самой жесткой приставке, стальной платформе. Не обращая особого внимания на плещущие рядом волны, эти рабочие ловко и умело прикрепляли к трубе одну герметичную стальную бочку за другой, которые потом, оказавшись в море, держались на плаву и выстраивались цепочкой на поверхности.

Командир российского пограничного катера, дрейфовавшего неподалеку от работающего трубоукладчика, стоя на мостике около ходовой рубки, со скучающим видом глядел на всю эту величественную картину. Операция по изготовлению и спуску на воду плети повторялась уже в который раз, и пялиться на нее капитан-лейтенанту надоело до чертиков. Однако больше делать в данный момент было все равно нечего.

Был конец сентября. Каспий, в это время года обычно спокойный, сегодня особенно жаловал людей приятной и безветренной погодой, его зеленые волны лениво плескались в борта работающих в море судов, солнце матово просвечивало сквозь застилающую небо белесую дымку, легкие порывы теплого южного ветерка приятно ласкали лицо. Не служба, а курорт – только вот раздеться и позагорать нельзя.

Капитан-лейтенант вздохнул, оглянулся, посмотрел на виднеющиеся за кормой очертания острова Чечень. И вчера, и позавчера они полоскались в виду этого острова. Вероятно, будут полоскаться примерно здесь же и завтра, и послезавтра. Прокладка нефтепровода – дело не быстрое. С каждой новой плетью судно продвигалось вперед на сто восемьдесят метров. Однако само изготовление такой плети занимало несколько часов.

На мостик из каюты поднялся старпом, совсем еще юный, только что из морского училища. Встав рядом с командиром, он некоторое время наблюдал за работой трубоукладчика.

– Разрешите обратиться?.. – через минуту начал он осторожно.

– Обращайтесь.

– Я вот только что вычитал в одной специальной книжке... При монтаже нефтепровода, проходящего по дну глубокого водоема, положено, чтобы за укладкой трубы наблюдала бригада водолазов из двух человек возле самого трубоукладчика, а также специальный автономный аппарат для подводных погружений, я так понял, что-то типа батискафа. Однако здесь не видно ни того, ни другого...

Капитан-лейтенант машинально кивнул в ответ.

– Ну, экономят же, – отвечал он со злостью. – На всем, на чем только могут. А то красть нечего будет.

– А если случится что? – не унимался старпом.

– Ну, случится, тогда и видно будет... – Командир сторожевика горько усмехнулся. – Эти водолазы, они ведь знаешь сколько стоят? Им за каждый час, что они возле трубоукладчика в лодке просидят, положено заплатить. Это мы с тобой дармовые...

Капитан-лейтенант умолк, по привычке машинально рассматривая, как на трубоукладчике начинается сборка новой плети.

– Да, мы бесплатные, что верно, то верно, – согласился старпом. – Я вот только не могу понять... Ну, гражданские водолазы – это понятно: на случай технической неисправности... Так а мы-то им зачем? Кому этот трубоукладчик нужен, что они выставляют ему боевое охранение?

– Стало быть, кому-то и нужен, – отозвался капитан-лейтенант. – Не наше с тобой это дело, старпом, мы люди маленькие...

– Ну да, наше дело здесь торчать да на морские пейзажи любоваться, – произнес тот запальчиво.

Командир сторожевика оглянулся и пристально, в упор, посмотрел на своего юного помощника.

– Слушай, старпом, дам я тебе совет, как старший по возрасту и по званию, – сказал он веско. – Ты лучше всего брось эту свою дурацкую привычку рассуждать по поводу приказов, которые ты должен выполнять. Просто делай, что велели, и ни в коем случае не задумывайся. Знаешь ли, так и служить легче, и на душе спокойнее.

Протяжный корабельный гудок заставил обоих морских офицеров на сторожевике оглянуться. К трубоукладчику подходил сухогруз с партией новых труб. На трубоукладчике уже готовились к его приему, матросы стояли возле кнехтов с тросами в руках, чтобы пришвартовать оба судна друг к другу, как только они достаточно для этого сблизятся.

– Командир! – вдруг сказал стоящий рядом старпом. – Судно справа по борту! Никаких опознавательных знаков...

Он протянул командиру бинокль. Каплей взял его, поднес к глазам, некоторое время вглядывался в неясные в туманной дали очертания судна.

– Браконьеры? – предположил наконец командир сторожевика.

– Очень похоже на то...

– Сволочи... Всю рыбу в Каспии загубили...

Он еще некоторое время разглядывал неизвестное судно, проплывавшее в виду сторожевого катера, потом отнял от глаз бинокль, повернулся к старпому.

– Сделай им запрос по рации, – приказал командир. – Спроси, кто такие и какого хрена тут делают...

За кормой неизвестного судна образовался белый пенный след, и вскоре оно скрылось за линией горизонта.

– Ушли, – пробормотал обескураженный старпом. – Может, догоним их, а, командир? Вдруг это действительно браконьеры, полные сети осетров наловили...

– У нас приказ охранять морской участок вокруг строящегося трубопровода, – отчеканил командир сердито.

Капитан-лейтенант не на шутку разозлился. Если бы не это, он давно бы сам отдал распоряжение начать преследование. Догнал бы, посмотрел поближе, чем они там промышляют. Но теперь, после того, как сам отчитал старпома за ворчание по поводу бессмысленности приказа охранять трубоукладчик, ему даже слово сказать на этот счет было бы некрасиво.

– А вообще, – продолжал командир сторожевого катера, – на всякий случай свяжись по рации со штабом, сообщи, что мы тут видели.

Старпом скрылся в радиорубке, откуда вскоре появился вместе с радистом, который был заметно обескуражен.

– Командир, эфир забит! – доложил он поспешно. – Связи нет ни с кем.

– Вообще?

– Так точно... Похоже, что тут где-то поблизости «глушилка» работает...

– Уверен? С какой бы это стати вдруг «глушилка»?

Радист не успел ничего ответить. Потому что внезапно большой столб огня взметнулся из-под днища катера, разметав в стороны находившихся на его палубе людей. Как спичку, он

подхватил небольшое судно, поднял его над водой и, словно игрушечное, с легкостью развалил пополам. Обломки катера мгновенно погрузились в воду. Никого из команды на поверхности тоже не осталось – ни живых, ни даже мертвых.

Люди на трубоукладчике и сухогрузе замерли от изумления и ужаса, оцепенело уставившись на то место, где только что был сторожевой корабль, а теперь колыхалось рваное масляное пятно.

Неожиданно из-под огромного корпуса морского трубоукладчика тоже взвился мощный огненный столб. В одно мгновение судно приподнялось над водой и тут же начало крениться набок. Огромный порталный кран стал заваливаться и вскоре рухнул прямо на пришвартованный к трубоукладчику сухогруз. Огромные трубы порвали крепящие их тросы, как тонкие нити, и покатались в воду, подминая под себя людей. Взметнулись языки пламени, из трюма повалил дым.

Уцелевшие рабочие в панике прыгали в воду, их крики тонули в скрежете корезащегося металла. В воде люди отчаянно работали руками, пытаясь вплавь выбраться из зоны аварии. Но события развивались намного быстрее.

Трубоукладчик окончательно завалился набок, обнажив днище, а в нем – огромную пробоину с рваными краями и длинными, расходящимися по корпусу трещинами. Зацепившись краном за сравнительно целый, избежавший повреждений сухогруз, трубоукладчик некоторое время оставался на плаву. Однако трюм его быстро наполнялся водой, и судно продолжало погружаться. И вот сухогруз под тяжестью навалившегося на него покалеченного трубоукладчика сам стал крениться.

Пожар, начавшийся на трубоукладчике, перекинулся теперь на сухогруз. Ослепительно полыхнуло разлившееся по поверхности моря топливо, багрово-красный факел взвился до самых до небес, уничтожая все живое вокруг, а изуродованные остовы двух намертво сцепленных судов, словно фитиль, чернели в самом центре этого факела. И вот уже остававшийся на плаву сухогруз опрокинулся вверх килем и начал опускаться под воду, а образовавшийся на этом месте сильный водоворот принялся безжалостно затягивать немногих уцелевших, вовремя прыгнувших за борт рабочих.

После затопления судов разлившееся по поверхности моря топливо продолжало гореть еще некоторое время, источая ядовитый зловонный чад, но и оно вскоре погасло.

Море на многие мили вокруг осталось пустынным, ни одного корабля, ни одной маленькой рыбацкой лодочки не было видно. И только облако черного нефтяного дыма да разлитое по поверхности масляное пятно свидетельствовали о только что произошедшей здесь страшной катастрофе.

* * *

Аквалангист вынырнул из моря возле самого берега, где стеной стояли заросли высокого тростника, своими узловатыми стеблями немного напоминавшего бамбук. Место тут было уже довольно мелкое, и, когда аквалангист поднялся на ноги, вода оказалась ему не больше чем по пояс. Аквалангист потянулся рукой за правое плечо, перекрыл воздушный вентиль у закрепленных на спине баллонов, после чего выплюнул изо рта загубник. Поднял с лица маску, с удовольствием втянул носом воздух. И только после этого оглянулся, посмотрел назад, на море. Там, вдалеке, над самой линией горизонта чернело дымное облако.

Некоторое время аквалангист разглядывал это облако дыма, висевшее над морем уже достаточно долго и постепенно рассеивавшееся, таявшее в воздухе. Казалось, что это зрелище доставляет ему особенное удовлетворение и даже наслаждение.

Простояв так некоторое время и дождавшись, что очертания дыма у горизонта стали уж совсем неясны, и если не знать про него, то можно было и вовсе не заметить, аквалангист

повернулся к зарослям, снова надел на глаза маску, оставив, однако, загубник болтаться за спиной. Нырнул, подплыл прямо к стене тростника, в которой вдруг открылось что-то вроде узкой щели. По этой щели, а на самом деле – аккуратно проделанной просеке в зарослях тростника, аквалангист стал пробираться к берегу, таща за собой под водой что-то объемное, тяжелое.

Через некоторое время он выбрался на небольшую прогалину в береговых зарослях. Под ногами хлюпала вода. Верхушки тростника смыкались, так что сверху этой прогалины никак невозможно было заметить. Настоящий тайник. Невысокий, правда, – достаточно было подняться на ноги, чтобы обнаружить себя. Особенно если ступить на небольшой, торчащий посреди прогалины песчаный пригорок, лишь слегка влажный от окружающей его воды и совершенно лысый, свободный от растительности.

Аквалангист именно так и сделал: взобрался на пригорок, выглянул из зарослей тростника, убедился, что вокруг безлюдно, как обычно. После этого снова пригнул голову.

Он втащил на пригорок то тяжелое, что он волоком тянул за собой по узкой просеке, – это оказался подводный мотоцикл, машина, позволяющая аквалангисту двигаться в глубине без особенных усилий, но с немалой скоростью. Усевшись на пригорок, он скинул баллоны, затем ласты, стянул гидрокостюм. Переделся в джинсы, майку, кроссовки.

Быстро забросав все оставленное на пригорке добро длинными стеблями тростника, оставленными здесь после прорубания тропинки, бывший аквалангист, а теперь обычный человек, отправился через заросли дальше к берегу. Скрылся в высокой, выше своего роста траве, и долго ничего не было видно и слышно, кроме хлюпанья ног по грязной, влажной, заболоченной почве. Вскоре и это стихло, зато послышался треск мотора другого мотоцикла, на этот раз предназначенного для езды по суше. Треск стал удаляться и наконец вовсе стал не слышен.

Черное дымное облако на горизонте теперь полностью исчезло, растворилось в далекой дымке. Как будто его никогда и не было.

ГЛАВА 2

Это было не застолье и даже не день рождения. И вечер вовсе не воскресный, а самый что ни на есть обыкновенный, посреди рабочей недели. Тем не менее тот факт, что офицеры-моряки собрались провести вечер в квартире одного своего сослуживца, старшего лейтенанта Сергея Павлова, никому не казался странным или необычным.

Вообще это случалось довольно часто. Морские офицеры из одного небольшого городка на Кольском полуострове, уже за Полярным кругом, собирались именно в квартире Сереги Павлова, небольшой двухкомнатной хрущевке, точно такой же, как и все остальные офицерские жилища в этом городке. Причины этого предпочтения, оказываемого жилищу старлея Павлова, назывались самые разные. Одни говорили, что виноват в этом сам старлей, личность на флоте легендарная и прославленная, несмотря на свои три скромные звездочки младшего офицера на погонах. Павлов, за свой крайне горячий и героический нрав прозванный на флоте Полундрой и под этой кличкой известный даже больше, чем под своим собственным именем, был командиром группы боевых пловцов Северного флота – подразделения морского спецназа, подчиненного непосредственно ГРУ, Главному разведывательному управлению Вооруженных сил Российской Федерации. Квалификация боевого пловца элитного спецподразделения предполагала не только виртуозное владение техникой подводного плавания, погружений и выполнения всех видов подводных работ, но и обширные энциклопедические знания практически обо всем, что касается моря и морского транспорта, военного и гражданского, всех видов оружия, владения приемами рукопашного боя и самозащиты без оружия. Старший лейтенант Северного флота Сергей Павлов вполне соответствовал этим высоким требованиям.

Молва приписывала Полундре деяния, казавшиеся самыми невероятными, выполнить которые было свыше человеческих сил. Поговаривали, будто однажды он предотвратил теракт в одном из старинных западноевропейских городов, отыскав мину в расположенных под жилыми кварталами катакомбах и обезвредив ее за несколько секунд до взрыва. Будто бы в другой раз сумел пробраться в стоящий на рейде американский крейсер и отобрать у высокопоставленного офицера ЦРУ какие-то важные бумаги – не то документы, не то что-то еще, украденное американскими шпионами в России и имевшее огромное стратегическое значение. Истории об этом бывалые моряки рассказывали в кубриках боевых кораблей матросам-срочникам в свободные от службы минуты, и вчерашние пацаны слушали, пооткрывав рты и позабыв про все на свете, было непонятно только, верят ли они во все это или считают флотскими байками, а самого Полундру личностью легендарной и нереальной, чем-то вроде современного Ильи Муромца.

На самом же деле Полундра был более чем осязаем. Великанского, под два метра роста, атлетического сложения, лицо волевое, загорелое, несколько сумрачное, не склонное к улыбке. Старлей Сергей Павлов в данный момент сидел на диване в своей квартире и рассеянно смотрел на экран телевизора, где один за другим мелькали рекламные ролики. Его гости, товарищи офицеры, притащившие в дом кое-какую, скромную, впрочем, выпивку и закуску и разложившие все это на столе в большой комнате, теперь, выпив и закусив, развязали языки и предались громогласной и бессмысленной душевной болтовне, когда говорят все разом и никто не слушает друг друга. Проще говоря, в квартире стоял настоящий гвалт, составленный из грубых мужских голосов, и звука старенького телевизионного приемника попросту не было слышно.

На диванчике рядом с Полундрой сидела Наташка, его жена – молодая женщина редкой красоты, с чертами лица гармоничными, мягкими и добрыми. Пышные волосы золотистыми водопадами спадали ей на плечи. Иные злые на язык флотские жены, которым по жизни было просто нечего больше делать, кроме как сплетничать о своих знакомых, утверждали, что потому-то их мужья и ходят пьянствовать домой к Сереге Павлову, чтобы лишний разок погла-

зеть на его красавицу жену. Впрочем, если элемент поклонения женской красоте здесь и имел место, то это так и оставалось чисто платоническим, потому что чистота и порядочность Натальи Павловой были известны всему приморскому городку, а связываться и конфликтовать с ее мужем тем более никому не хотелось.

Сейчас, сидя на диванчике рядом со своим мужем, как обычно весьма молчаливым и неразговорчивым, она рассеянно смотрела на пестрый калейдоскоп телевизионного экрана, звука от которого во всеобщем гвалте все равно не было слышно. Их маленький сынишка Андрюшка ползал на коленях между ног гостей, и мать внимательно следила за ним, чтобы по неосторожности с мальчишкой не случилось беды. Наташа уже говорила своему мужу потихоньку на ухо, что веселье это пора кончать, а сынишке надо бы укладываться спать. На что Полундра спокойно кивал и отвечал, что, конечно, надо, но немного попозже – еще девяти нет, и выгонять людей из дому в такую рань было бы невежливо..

Когда рекламные ролики сменились новостной программой, Полундра пересел поближе к телевизору и прибавил звук. Он стал внимательно вслушиваться в то, что говорилось с экрана, а потом вдруг буквально прирос к нему, слушал, стараясь не пропустить ни единого слова.

– А ну-ка тихо! – вдруг крикнул кто-то из присутствующих офицеров, также уловивший, что передают что-то экстраординарное. – Гляньте, вон что случилось...

Остальные офицеры в изумлении затихли, уставившись в телевизор. Там всем хорошо знакомый диктор скорбным тоном вещал:

– ... Количество погибших устанавливается. В настоящее время квадрат гибели судов прочесывается кораблями береговой охраны и вертолетами. Удалось найти и поднять на поверхность обгоревшие тела троих рабочих, опознать которых пока не представляется возможным...

– Да что стряслось-то? – тихо переспрашивали офицеры друг друга.

– Авария в Каспийском море возле острова Чечень, – отвечал слушавший новостную программу с самого начала Полундра. – Сторожевой катер, трубоукладчик, вспомогательный сухогруз – все пошло ко дну, все на них погибли...

Офицеры потрясенно молчали, не отрывая глаз от экрана. А там возникла смоделированная на компьютере картинка: сторожевой катер слегка покачивается на волнах, вдруг в его носовой части вспыхивает взрыв, разверзается огромная пробоина, и в одно мгновение катер уходит под воду.

– Во дают художники! – воскликнул один из офицеров, глядя на экран. – Да сторожевик при такой пробоине в носовой части останется еще целый час на плаву! Как же тогда с него люди не спаслись?..

– Да это они от балды нарисовали, – отозвался, не отрывая глаз от телеэкрана, Полундра. – Что там на самом деле произошло, пока толком никто не знает. С кораблей же никто не уцелел...

Вслед за гибнущим сторожевым катером тем временем в телевизоре появилась постно официальная физиономия начальника центра общественных связей Управления ФСБ по Дагестану.

– Создана правительственная комиссия по расследованию трагического происшествия, – уныло и на одной ноте бубнил в телекамеру офицер ФСБ. – Подозрения о теракте пока никак не подтверждаются. Независимые эксперты склоняются к версии о возможности чисто технической неисправности и рокового стечения обстоятельств. Расследование этого инцидента продолжается. Командование Каспийской военной флотилии и Управление ФСБ по Дагестану сделают все для выяснения истинных причин происшедшего.

Офицеры внимательно слушали выступление чекиста, и на лицах их было написано нетерпение и даже разочарование, сведений о случившейся катастрофе им было явно недостаточно.

Поняв, что информационная часть сюжета об этой аварии окончена и начались непереносимые в таких случаях зачитывания телеграмм соболезнования семьям погибших и заверения высокопоставленных чиновников в том, что причины трагедии будут непременно расследованы и обнародованы, офицеры заговорили громко и возбужденно. Всем им не терпелось высказаться по поводу услышанного.

– Ничего себе, хороша техническая неисправность! – возбужденно говорил капитан третьего ранга с жестким, угловатым и изрезанным преждевременными морщинами лицом. – И это что же, у двух судов сразу? Так, что в одно мгновение ко дну пошли...

– Да ну, чушь какая-то! – вторили ему. – Младенцу ясно, что здесь что-то не так...

– Эти чекисты всегда врут! – сказал убежденно молодой капитан-лейтенант.

– Как в советские времена привыкли врать и умалчивать о причинах катастрофы, так врут и умалчивают до сих пор. Многолетняя привычка, никуда не денешься...

– Слушайте, морской трубокладчик – это ведь огромное судно, – заметил, оборачиваясь к своим друзьям, Полундра. – Чтобы его потопить, нужна торпеда или ракета! Или, по крайней мере, мощная магнитная мина. Ее должен установить водолаз-диверсант со спецоборудованием...

– Вот именно! Это они загнули, насчет технической неисправности... Здесь определенно пахнет терактом.

– Технических неисправностей с такими последствиями не бывает!

– А вы слышали? – продолжал Полундра. – Там они говорили, что лица рабочих обожжены до неузнаваемости...

– Верно! – согласился капитан третьего ранга. – Значит, там пожар был.

– Да откуда ж ему там взяться, пожару? – воскликнул, возбуждаясь в свою очередь, Полундра. – Это же не танкеры! Топлива на таких судах обычно не слишком много, разольется по поверхности, так и не успеет загореться...

– Ну правильно! – согласился с ним. – Это значит, взрыв был такой силы, что топливный бак разорвало, горячее разом вылилось и загорелось.

– Да откуда он мог взяться, этот взрыв? – теряя терпение, воскликнул Серега Павлов. – Если горячее вылилось, значит, взорвалось у топливных баков. А что там могло быть, на трубокладчике-то? Сварочный аппарат, что ли? Или запас цемента?

– Вот именно! – вторил ему молоденький капитан-лейтенант. – На сторожевике, по крайней мере, вооружение есть. Да и то... Крупнокалиберных снарядов там нет, только пулеметы. Не патроны же будут взрываться?..

– Верно!

Раздался звонок во входную дверь. Офицеры умолкли. Каждый из них подумал, что это пришла за кем-нибудь из присутствующих жена, чтобы проводить своего супруга домой.

Хозяин дома пошел открывать.

На пороге квартиры стоял вестовой матрос. При виде Полундры он вытянулся в струнку, лихо отдал честь и доложил:

– Товарищ старший лейтенант, вас срочно вызывают в штаб соединения!

На волевом, немного угрюмом лице Полундры не отразилось ни удивления, ни недовольства столь неожиданным и неурочным вызовом к начальству. Он быстро надел китель и, потихоньку подзвав к себе старшего из офицеров, капитана третьего ранга, попросил его не засиживаться, увести по домам всех друзей, потому что ребенку пора спать. После этого он вместе с вестовым вышел из дома.

ГЛАВА 3

Иранский порт Пехлеви, названный в честь Реза-шаха Пехлеви, был древним, маленьким городком.

Как порт на южном побережье Каспийского моря, он имел огромное стратегическое значение. Здесь дислоцировались основные силы иранской военной флотилии на Каспийском море, соответственно, неподалеку от города на побережье была построена самая мощная в регионе военно-морская база Исламской Республики Иран. Торговый порт Пехлеви также играл важную роль в экономике страны. Однако лишь несколько улиц города в районе порта и некоторые кварталы на окраине были застроены зданиями европейского типа, только там имелись широкие дороги, по которым мчались дорогие машины, только там было чисто и сравнительно красиво. Дальше же, за узкой полосой богатых кварталов города, начинались районы бедноты, где жили все эти многочисленные толпы рабочих пищевых заводов, портовых служащих, рыбаков, каждый день выходявших на своих утлых лодочках в море и выловленной рыбой торговавших на рынке, земледельцев, доставлявших в Пехлеви хлеб и фрукты.

Одно из высотных зданий из стекла и бетона было огорожено от остального мира несколькими рядами заборов из колючей проволоки. У ворот стояли стражи иранской революции в полной боевой экипировке, в касках, бронежилетах и с автоматами. У каждого, кто решался приблизиться к воротам на автомашине и выказывал намерение проехать на огороженную территорию поближе к высотному зданию, один из часовых долго и придирчиво просматривал документы. Второй в это время сидел в пуленепробиваемой будке с узкими прорезями-бойницами и держал подъехавшую машину на прицеле.

Никаких табличек, никаких надписей ни на арабском, ни на фарси, государственном языке Ирана, ни тем более на английском не было видно ни на воротах, ни на крыше, ни на фасаде этого многоэтажного сверхохраняемого здания. Тем не менее каждый мальчишка в Пехлеви знал, что здесь помещается подразделение иранских специальных служб, занимающихся северо-восточной частью страны, а в особенности побережьем Каспийского моря.

Интерьер просторного кабинета на двенадцатом этаже здания был также выполнен в совершенно европейской манере. Большой и широкий письменный стол, на котором в числе прочего находился неплохой компьютер, мягкие удобные кресла. Тихо и мерно гудел кондиционер, создавая приятную после уличного пекла прохладу, широкие окна были тщательно занавешены, чтобы предохранить от проникновения снаружи жара и зноя. Комната освещалась мягким электрическим светом, лившимся откуда-то с потолка. На стене огромный портрет аятоллы Хомейни, первого лидера Исламской Республики Иран, благообразного белобородого старца в синем халате и черной чалме, с твердым, как сталь, и жестким взглядом.

В кабинете в мягких уютных креслах, поставленных напротив друг друга, сидели двое мужчин. Старшего из них звали Абу эль-Тахир Фахруддин Сумейни. Он был одет в точности так же, как и лидер иранской революции, изображенный на портрете, висящем на стене над ним: в синий просторный халат и черную чалму. Седая, клинышком, борода обрамляла смуглое, выдубленное солнцем и изрытое морщинами лицо, а глаза даже теперь, когда он вроде бы спокойно и неторопливо, по-восточному медленно разговаривал со своим собеседником, горели фанатичным огнем.

Второй присутствующий в кабинете мужчина, чернявый крепыш лет тридцати с тонкой полоской стриженных усов на смуглом лице, был одет на европейский манер: сиреневого цвета костюм, черный галстук, рубашка. Всем своим видом изображая почтение, он внимательно слушал речи старика, прикрывая ладонью улыбку, которая то и дело мелькала на его угодливой физиономии.

– Наш вождь и учитель аятолла Хомейни, – старик кивнул на висящий на стене портрет первого лидера Исламской Республики Иран, – не устал повторять, что врагами ислама в Иране являются евреи и христиане. Вся эта нечисть расплодилась многократно и разбежалась по всему миру. Там, где их много, нет места чистому исламу. Все, кто живет рядом с ними, враги истинной веры!

– Истинная правда! – поклонившись, проговорил сидевший напротив него чернявый крепыш.

– Евреи и христиане, они живут в Америке, – продолжал старик. – Значит, Америка – враг Ирана. Евреи и христиане во множестве расселились по Европе. Значит, Европа тоже враг Ирана.

– Этой нечисти много и в России, – вставил чернявый. – Все русские – враги ислама.

– Верно, Исмаил. – Старик величественно кивнул. – Повсюду, где верх взяли евреи и христиане, нет истинных приверженцев ислама, там все враги нам.

– Однако с этими врагами приходится иметь дело, – осмелился заметить Исмаил. – Продавать им нашу нефть... И пока они сильнее нас, мы не должны стремиться их одолеть.

Старик нахмурил лоб, лицо его заметно помрачнело.

– Да, это так! – согласился наконец он, сурово глядя на своего собеседника. – Для того чтобы победить неверных, у нас пока не хватает сил. Но я убежден, что так будет не всегда! – Глаза старика фанатично сверкнули. – Придет день, когда зеленое знамя ислама будет развеваться на всех континентах нашей планеты.

– Да будет на то воля Аллаха! – поспешно проговорил Исмаил. – Аллах акбар!

– Аллах акбар! – величественно повторил Сумейни.

На какое-то время в кабинете воцарилось молчание. Старик, видимо, о чем-то задумавшись, сидел в своем кресле и смотрел прямо перед собой, при этом глаза его сверкали. Исмаил, которому сильно действовал на нервы необычный, пристальный взгляд старика, с досады покусывал губы и думал, как бы прервать столь мучительную для него паузу.

– Кстати, – осмелился наконец заговорить он. – Сунниты – это основное население Азербайджана. Это не правоверные мусульмане...

– Что нового в Азербайджане? – озабоченно спросил Сумейни.

– Они там нашли новые нефтяные месторождения, – отвечал Исмаил. – В настоящий момент изыскания продолжаются. Но уже сейчас ясно, что запасы нефти на Апшеронском шельфе небывалые, много больше того, что думали об этом раньше и что выкачали оттуда до сих пор.

– Как такое могло случиться? – задумчиво спросил Сумейни. – Ведь шельф на Апшеронском полуострове разрабатывается с позапрошлого века.

– Очень просто, – отвечал Исмаил. – Новые технологии поиска и разработки нефтяных месторождений. Как выяснилось, до сих пор доставали только до верхушки огромной нефтяной бочки, которая называется – шельф Каспийского моря.

Старик нахмурился, опустил голову на грудь, бережно поглаживая свою тощую белую бородку. Лоб его прорезали глубокие морщины.

– Официальному Баку все равно, кому продавать добытую нефть, – сказал он. – Лишь бы хорошо платили... Нефтепровод может пойти по дну Каспия на север, в российские терминалы, и тогда на нефти будут наживаться русские. Но нефтепровод может пойти и на юг, к нашим берегам...

– Контракт с Россией уже подписан, – заметил Исмаил. – Правда, только предварительный, часть протоколов еще не согласована, некоторые положения остаются спорными. Однако американский нефтяной концерн «Шеврон» уже сделал в разработку и транспортировку нефти миллиардные инвестиции. Русские, почуяв, что пахнет большими деньгами, кинулись строить свой нефтепровод.

– Эти большие деньги не помешали бы и нам, – сказал Сумейни. – Контракт подписан, но нефтепровод фактически только начал строиться. Еще не поздно переиграть...

– Нефтепровод через Россию выгоднее американцам, – возразил Исмаил. – Его протяженность выходит намного меньше, рельеф местности в целом проще, а это означает, что строительство будет стоить гораздо дешевле. Фактически надо протянуть трубу только до Дагестана, до острова Чечень. А дальше у русских уже имеются готовые терминалы, проложены нефтепроводы. У нас же пока что нет ничего вплоть до самой Басры...

– Надо убедить американцев, что выгоднее вести нефтепровод через нашу территорию! – отчеканил Сумейни, и глаза его фанатично сверкнули. – Мы все видели, как они расправились с Саддамом. Возможно, что теперь настанет наша очередь. Если же через территорию исламской республики протянется нефтепровод, в строительство которого американцы вложили кучу денег, мы сможем считать себя застрахованными от военных действий на нашей территории.

– Но американцы умеют хорошо считать! – возразил Исмаил. – Они не станут вкладывать деньги в проект, который обойдется им дороже. Тем более теперь, когда другой нефтепровод уже начал строиться, стало быть, инвестиции начали осваиваться.

– Надо убедить их, что нефтепровод через нашу территорию окажется более безопасным, – отвечал старик жестким, не терпящим возражений тоном. – Россия далеко не спокойная страна. Рядом с Дагестаном – мятежная Чечня. И все, что произойдет, легко спишут на чеченских террористов. Если строящийся нефтепровод пару раз взлетит на воздух, американцы всерьез задумаются: а не поискать ли им других маршрутов для транспортировки своей нефти.

– Но русские будут упорно отрицать факты терактов! – возразил Исмаил, нервно потирая свою крепкую смуглую шею. – Свалят все на технические неисправности... Именно это и произошло вчера, когда взорвалась первая наша мина. Начальник ФСБ Дагестана отказался признать факт теракта.

– Да, это так, – согласился Сумейни. – Но долго ломать эту комедию они не смогут. Мы будем до тех пор устраивать на сооружаемом нефтепроводе взрывы, пока даже самым наивным не станет ясно, что все заверения об их технических причинах не более чем ложь! – Глаза его хищно сверкнули. – Для того я и веду сейчас с тобой этот разговор. Ты должен позаботиться, чтобы нефтепровод из Азербайджана в Россию не был построен!

– В одиночку? – спросил Исмаил.

– Есть там у нас свой человек, – отвечал Сумейни медленно и с расстановкой. – Пока есть! И пока наш... Что будет потом, неизвестно. Надо спешить!

Старик наклонил голову, давая понять, что разговор окончен. Исмаил, помолчав некоторое время, поднялся с кресла и направился к двери, но вдруг Сумейни окликнул его.

– Я просил тебя узнать об американце, что уже третий месяц живет в Пехлеви, – сказал он. – Кто он? Что ему здесь нужно?

– Я узнал, – отвечал Исмаил, возвращаясь в кабинет и снова садясь в кресло напротив Сумейни. – Паспорт у него действительно американский, вот...

Исмаил открыл папку, что до сих пор держал в руках, и выложил оттуда ксерокопию паспорта.

– Прочти его имя! – коротко приказал старик.

– Шамседдин Халиф... – повиновался Исмаил. – По национальности курд...

– Курд? – глаза Сумейни грозно сверкнули.

– Нет, нет! – поспешил возразить Исмаил. – Этот человек – правоверный шиит. Молится пять раз в день, как предписывается Кораном, ходит в мечеть, свинину не ест... В прошлом году даже совершил паломничество в Мекку...

– Ходжа Шамседдин Халиф... – проговорил Сумейни задумчиво. – Все эти сведения проверены?

– Конечно! Я сам ходил в мечеть, смотрел, как он там молится... Это настоящий мусульманин!

– Рост 165, вес 63... – бормотал Сумейни, разглядывая ксерокопию паспорта. – Это что же, он коротышка?

– Довольно тщедушный на вид человек, вы правы, аятолла! – отвечал Исмаил.

– Что ему здесь надо?

– Он ихтиолог, профессор Бостонского университета. Мы проверяли, там действительно есть такой. В настоящее время послан с целью научных изысканий на Каспий...

– Что делать?

– Изучать нерест осетровых рыб, – отвечал Исмаил. – Его научная работа...

– Думаешь, простак? Сам полез шайтану в пасть?

– Если он шиит... – проговорил осторожно Исмаил. – Правоверному мусульманину в нашей стране бояться нечего.

Аятолла Сумейни задумчиво молчал, поглаживая свою тошую седую бородку.

– Надо за ним присматривать, – сказал он наконец. – Пусть шиит, пусть правоверный мусульманин... Но он курд! Курдам я не верю... Они всегда были бандитами, мечтали и мечтают до сих пор об отделении от нашей страны. Кто докажет мне, что этот человек изменил свои убеждения?

– Но Шамседдин американец! – робко попробовал возразить Исмаил.

– Тем более! – отчеканил Сумейни. – Он еще и американец. Кто поручится, что, живя в этой стране, он не проникся американской заразой?.. За этим курдом надо присматривать, – подытожил он. – Ты меня понял, Исмаил?

– Будет сделано все, как прикажете! – с поклоном отвечал Исмаил. – Слежку за Шамседдином буду курировать я лично.

И, снова отвесив поклон, чернявый помощник могущественного старика попятился к двери, после чего покинул его просторный кабинет.

ГЛАВА 4

На небольшой автозаправочной станции, расположенной на въезде в столицу Дагестана Махачкалу, было пустынно. Неподалеку шумело оживленное шоссе, в середине дня машины мчались по нему плотным потоком и на большой скорости. Никто почему-то не желал заправиться на этой станции, и хозяин АЗС, он же главный и единственный ее работник, мирно подремывал, сидя в плетеном кресле под навесом от солнца.

Внезапно он поднял голову и стал пристально глядеть на дорогу: с шоссе в сторону заправки свернул солидный, весь в наворотах, черный джип. Стало быть, клиент подвернулся, решил хозяин автозаправки, кряхтя, поднялся и направился навстречу приближающемуся автомобилю, улыбаясь по-восточному любезной улыбкой.

Однако хозяин АЗС ошибся. Черный джип вместо того, чтобы сразу подъехать к заправочной колонке, остановился поодаль. Из него выбрался плотный, восточного типа мужчина средних лет, очень прилично одетый и, видимо, исключительно высокого о себе мнения. Нахмутив низкий жирный лобик, владелец джипа огляделся, заметил хозяина АЗС, еще сильнее нахмурился. Повернувшись, кивнул кому-то внутри джипа. И тогда оттуда выбрался другой восточного типа субъект, помоложе и менее представительный. В руке он держал небольшой квадратный чемоданчик, похожий на те, в которых слесари-сантехники носят свои инструменты, только почище и поприличней. Они оба отправились к хозяину заправки.

– Так, давай показывай, где у тебя бензин! – издали крикнул хозяину АЗС солидный владелец джипа. – Шайтан! Бессовестный вор! Я тебя отучу продавать дерьмовый бензин по цене хорошего и портить порядочным людям машины!

Владелец автозаправки мгновенно понял, о чем сейчас будет идти разговор. Лицо его побледнело, но он не потерял присутствия духа. Быстро полез в карман за мобильным телефоном, проворно набрал какой-то хорошо знакомый номер, дождался соединения.

– Это Азамат, – торопливо и воровато поглядывая на приближающегося солидного господина, проговорил в телефон хозяин АЗС. – У меня проблемы...

На другом конце связи ему ответили что-то такое, что он очень желал услышать. Его лицо мгновенно преобразилось, испуг сменился прежним, самодовольным и уверенным выражением. Хозяин автозаправки выключил мобильник, сунул его обратно в карман, после чего скроил навстречу владельцу джипа фальшивую подобострастную улыбочку.

– Желаете заправиться? – спросил он владельца шикарного джипа.

– Что? Заправиться? Нет уж, спасибо! – Плотной комплекции господин тяжело дышал от распиравшего его праведного гнева. – Один раз у тебя я уже заправился, больше не надо! Вот это что, мерзавец?

С этими словами владелец джипа вытащил из кармана некий предмет, завернутый в промасленную бумажку, развернул его и сунул под нос хозяину АЗС.

– Что глазами хлопаешь? – продолжал солидный человек грозно. – Я тебя спрашиваю, что это такое?

– Поршневое кольцо, кажется, – отвечал хозяин автозаправки, любезно улыбаясь и кланяясь. – Сожалею, дорогой, но запчастей у меня нет. Не торгую я ими. Вот только заправить могу, если пожелаете...

– Катись ты к черту со своей заправкой! – взревел солидный владелец джипа. – Вчера, говорю, я у тебя уже заправился! Потом на подъем не мог въехать. На буксире меня до дому довозили... Это, по-твоему, нормально?

– С кем не бывает... – угодливо улыбаясь, проговорил хозяин АЗС.

– С кем не бывает? – Владелец джипа побагровел. – Бензин надо качественный продавать! – рявкнул он. – Слышишь, ты? Качественный бензин!

– У нас бензин всегда самого лучшего качества!

– Самого лучшего? – Владелец джипа выпучил глаза в изумлении перед такой наглой ложью и чуть не задохнулся от бешенства. – Смотри! Смотри сюда! – Он снова сунул под нос хозяину автозаправки промасленную бумажку с поршневым кольцом. – Смотри, что твой бензин сделал с моими кольцами. Смотри, ты, дьявол!

Поршневое кольцо, что прыгало и мельтешило перед носом хозяина автозаправочной станции, и в самом деле было черным от покрывавшей его копоти и окалины и все в каких-то зазубринах и шероховатостях.

– Ты сжег мне кольца, обормот ты проклятый! – ярился солидный господин из джипа. – Ты знаешь, сколько стоит такое кольцо в сервисном центре? Да оно одно стоит больше, чем ты сам вместе с твоей вонючей автозаправкой! И что? Я должен теперь после каждой заправки кольца новые ставить, да?

– Вы ошибаетесь, дорогой, – угодливо улыбаясь, однако, похоже, ничуть не испугавшись гнева своего бывшего клиента, проговорил хозяин АЗС. – Заправились где-нибудь еще... На другой станции! А потом забыли, на меня бочку катите... Ездить много приходится, перепутали заправки... А у меня всегда очень качественный бензин, я своей репутацией дорожу...

– Дорожишь? Ты? – гневно пыхтя, бормотал толстый господин из джипа. – Качественный бензин продаешь? Ладно, посмотрим! – Его явно приводили в бешенство спокойствие и невозмутимость, с которыми держал себя хозяин АЗС. – Ты еще узнаешь, кто я такой! Я начальник налоговой полиции города Дербента! – грозно провозгласил он.

– Очень хорошо! Всегда рад быть полезным!

Хозяин автозаправки продолжал угодливо улыбаться, ничуть не испуганный. От этого солидный владелец джипа еще больше разозлился.

– Ну, смотри! – пыхтя, проговорил он. – Я не шучу! Я устрою так, что духу твоего завтра здесь не будет!

Он повернулся к своему спутнику с чемоданчиком в руках, до сих пор безмолвной тенью стоявшему позади него.

– Давай, действуй!

Тот выдвинулся вперед, сказал усталым, ленивым, немного презрительным голосом:

– Позвольте взять пробы бензина непосредственно из автозаправочных цистерн и из хранилища...

Тут уверенность хозяина АЗС несколько уменьшилась, его глаза нервно забегали по сторонам. С какой-то непонятной озабоченностью он посмотрел на дорогу, по которой мчались в обе стороны машины.

– Не могу, дорогой, – смущенно отвечал он. – Без разрешения хозяина не могу!

– Хозяина? – с вялым удивлением переспросил человек с чемоданчиком. – Разве не вы владелец автозаправочной станции? Зарегистрирована она на ваше имя...

– Я владелец, – нервно облизнув губы, отвечал тот. – Но не один. Есть еще другой человек в доле. Совладелец. И без его согласия не могу я позволить пробы брать...

– Слушай, брось дурить! – грозно нахмурившись, сказал начальник налоговой полиции. – Хочешь, чтобы я с ОМОНОм приехал, распотрошил у тебя все тут на хрен, тебя раком к стенке поставил? Я тебе и это устрою... Я тебя в милицию сдам, ты понял? В отдел борьбы с экономическими преступлениями... В милицию и в ФСБ. Пусть там с тобой разбираются, на каком хреновом нефтеперерабатывающем заводике ты покупаешь свой бензин, так что от него кольца горят.

Вид у хозяина АЗС был мрачный, однако он упрямо повторил:

– Не могу показать... Совладельцаждемся...

– Да чего у него нам разрешения спрашивать? – возразил вдруг человек с чемоданчиком. – Бочки – вон они. Сейчас откроем да зачерпнем оттуда. Потом составим акт, вы будете

свидетелем изъятия. В протоколе напишем, что при взятии проб владелец оказал сопротивление. Вот и все. И никого спрашивать не надо...

Он с решительным видом направился к закопанным в землю цистернам, где хранилось топливо. Глаза хозяина заправки забежали еще тревожнее, он кинулся было следом за человеком с чемоданчиком, принялся на ходу бормотать о том, что тот не имеет права действовать таким образом. Но вдруг, снова взглянув на дорогу, он заметно просветлел лицом, остановился, и прежняя угодливая и одновременно самоуверенная улыбка заиграла на его губах. С шоссе на дорогу, ведущую к заправке, съехала белая «Волга» с затемненными стеклами и не спеша подкатила к стоящим мужчинам.

– погоди, дорогой, не спеши, – сказал хозяин АЗС вслед человеку с чемоданом. – Вон совладелец подъезжает. С ним сейчас поговори...

Человек с чемоданчиком и начальник налоговой полиции уставились на подъезжавший автомобиль, на номерном знаке которого красовались три нуля. Эти три нуля сильно смутили человека с чемоданчиком.

– Слышь, «три Ольги», – тихо проговорил он солидному господину из джипа. – Нам лучше уехать отсюда подобру-поздорову...

– Что? Какие еще «три Ольги»? Иди ты к черту...

На самом деле проблеск понимания уже светился в глазах солидного начальника налоговой полиции. Но отступить было не в его правилах, да он и не был приучен к тому, что его тоже может кто-нибудь «построить».

– Я ему сейчас покажу «три Ольги»!.. – проговорил он несколько неуверенно. – Он у меня узнает!..

Белая «Волга» меж тем припарковалась также в стороне от заправочных колонок, из нее выбрался невзрачный мужчина лет сорока, маленького роста, совершенно лысый. У него был низкий лоб, густые, мохнатые брови нависали над самыми глазами. Его не совсем чисто выбритое лицо, с синевой на подбородке и над верхней губой, несмотря на замызганный вид, несло на себе следы некоторой смазливости, было правильной формы, а на щеках выделялись весьма аппетитные ямочки, которые еще более углублялись и становились заметными, когда этот тип улыбался – а улыбнулся он сразу, едва увидев солидного господина с негодующим выражением лица рядом с хозяином автозаправочной станции. Улыбочка у него также вышла смазливой, довольно неприятной, но вместе с тем чувствовалось, что в молодости этот человек определенно должен был нравиться девушкам.

Уверенной походкой приехавший на белой «Волге» подошел к начальнику налоговой полиции, спросил, вежливо улыбаясь:

– Вы хотите заправиться?

– Что? Заправиться? – Тот снова запыхтел от распиравшего его гнева. – Нет уж, спасибо! Таким бензином заправляться... Я только сегодня кольца новые поставил...

– Если не желаете заправляться, пожалуйста, проезжайте дальше! Здесь не автостоянка, здесь посторонним нельзя находиться.

– Что? Мне нельзя находиться? Я – посторонний?! – Владелец джипа задыхался от бешенства. – Да ты знаешь, кто я такой? Я начальник налоговой полиции...

– И что? – преспокойно глядя на него в упор, спросил плюгавый человечек.

Владелец джипа сильно смутился под этим взглядом, но упорно продолжал хорохориться.

– Я вас всех выведу на чистую воду! – воскликнул он. – Я буду жаловаться в ФСБ!

– На что? – резко спросил плюгавый. Он так пристально снизу вверх посмотрел на солидного господина, что тот совершенно растерялся и даже побледнел немного, хотя был на целую голову выше. – О чем вы хотите сообщить в ФСБ?

Начальник налоговой полиции молчал, выпучив свои белесые глаза, человек с чемоданчиком осторожно потянул его за рукав в знак того, что надо бы сваливать.

– Ну, что же вы умолкли? – продолжал плюгавый человечек, насмешливо кривя губы. – И так? – он преспокойно вытащил из кармана сафьяновое удостоверение с золотым тиснением «Федеральная служба безопасности» на корочках, сунул его под нос солидному начальнику налоговой полиции. – Я офицер ФСБ. Что вы хотели сообщить нашему ведомству?

На этот раз солидный начальник налоговой полиции позволил человеку с чемоданом увести себя. Плюгавый мужичок с веселой улыбкой посмотрел им вслед, наблюдая, как оба незадачливых борца за качество местного бензина забирались в свой роскошный автомобиль, как торопливо отъезжали прочь с заправки.

– Ну что, Азамат, – сказал, поворачиваясь к угодливо улыбавшемуся хозяину АЗС, плюгавого вида офицер Федеральной службы безопасности. – Я же тебе говорил: проблем не будет.

– Большое спасибо, Абдул-Керим Рашидович... Вы мой благодетель...

– Это точно! – Тот самодовольно усмехнулся. – Но смотри, Азамат! – добавил он предостерегающе. – Десять процентов от выручки мои. Все, как договаривались...

– Какой разговор! Как обещал... Хотите, сейчас деньги отдам?..

– Отдашь, успеешь, – чекист кивнул. – Расплачиваться будешь в сроки, которые установлены... И если возникнут еще проблемы – звони, не стесняйся...

– Я за вами как за каменной стеной, товарищ подполковник...

Хозяин заправки говорил это уже в спину офицеру ФСБ, который, кивнув на прощанье, направлялся к своей служебной машине, чтобы ехать по делам.

ГЛАВА 5

Полундра, коротко, но сильно постучав в дверь, открыл ее, вошел в кабинет, расположенный на втором этаже здания штаба, замер возле порога. Бодро, четко, как положено по уставу, отчеканил:

– Товарищ капитан первого ранга! Старший лейтенант Павлов по вашему приказанию прибыл!

Сидящий за письменным столом командир группы боевых пловцов-диверсантов Российского Северного флота каперанг Коломец поднял глаза на стоявшего перед ним навытяжку Полундру.

– Вольно... Садись... – разрешил он.

По озабоченному виду своего командира Полундра понял, что разговор предстоит очень серьезный.

Каперанг подождал, пока старлей сядет, все время наблюдая за ним из-под прикрытых век.

– Про сегодняшнюю аварию на Каспии слышал? – спросил наконец он.

– Так точно...

– Ну? – Каперанг посмотрел на своего подчиненного испытующе. – Каково впечатление?

– Что-то странное, товарищ капитан первого ранга, – осторожно отвечал Полундра. – Говорят о технических причинах катастрофы... Но разве могут по техническим причинам взорваться и мгновенно затонуть сразу и пограничный катер, и трубоукладчик, да еще так, что никого не осталось в живых? Там сообщили, что трупы рабочих обгорели до неузнаваемости... Значит, пожар был?..

Каперанг Коломец кивнул, некоторое время помолчал, задумчиво потирая лоб.

– Да, все верно, – сказал наконец он со вздохом. – Есть, конечно, – отвечал каперанг Коломец спокойно.

Откинулся на спинку стула, вытащил из ящика стола трубку, стал неторопливо набивать ее.

– Ты про открытие новых крупных месторождений нефти на Апшеронском шельфе Каспия слышал? – Каперанг начал как бы издали.

– Конечно... Сообщали, что американцы уже вложили в добычу и транспортировку этой нефти миллионы долларов...

– Вот именно! – подтвердил каперанг, раскуривая трубку. – Трубопровод должен идти через российскую территорию, через наши терминалы. И вот теперь это... Это же черт знает как не вовремя! Договоренности, многомиллионный контракт – все это теперь на грани срыва. Американцы не станут вкладывать деньги в регион с нестабильной политической ситуацией. Где происходят теракты. Они будут искать новые пути... И найдут их!

– Через Иран? – спросил Полундра.

Каперанг выпустил облачко ароматного табачного дыма, молча кивнул.

– Конечно, никаких доказательств того, что это дело рук Тегерана, у нас нет, – неторопливо продолжал он. – А если они и будут, то до СМИ такие факты, понятно, не дойдут... Пока что мы просто отрицаем, что катастрофа была террористическим актом, на данный момент это разумнее всего. Ну а потом, когда замалчивать окажется уже невозможным... организаторами будут названы чеченские боевики. И, черт возьми, мировая общественность в это поверит! Чечня-то ведь рядом, соседний регион...

– Ничего себе рядом! – воскликнул Полундра. – Разве что на карте... Там же горы! И между морем и Чечней – Дагестан.

– А западный обыватель и будет судить по карте, – с горькой усмешкой заметил каперанг Коломец. – Ты думаешь, они там, в Западной Европе, знают, что такое горы Кавказа? Они если когда и бывали в горах, то где-нибудь в Альпах, где асфальтированные дороги и скоростные фуникулеры, а под каждым склоном пятизвездочный мотель с баром... Нет, мировая общественность все спишет на чеченских боевиков, это на сто процентов.

Полундра сидел и молчал. Всякий раз, когда североморец напрямую сталкивался с цинизмом и беспринципностью мировой политики, он чувствовал растерянность и какую-то беспомощность, понимая, что это такая сила, которую не сломить, с которой не справится никакая добрая, разумная человеческая воля. Поэтому он предпочитал никогда не говорить о политике, это было ему крайне неприятно. По долгу службы, однако, делать это приходилось.

– Но, старлей, самая большая проблема даже не в этом, – продолжал каперанг Коломец. – По большому счету, России все равно, будет ли считать мировая общественность чеченских боевиков хитрее, чем они есть на самом деле, или не будет. Речь идет о многомиллионных инвестициях и огромных доходах от разработки и транспортировки нефти. Пока что эти инвестиции и доходы предназначаются России. Но Тегеран гложет зависть, там тоже были бы не против попользоваться такими преимуществами. Для этого они не пожалеют ни сил, ни средств.

– Хотите сказать, товарищ капитан первого ранга, – заговорил Полундра, – что теракт, аналогичный сегодняшнему, может повториться?

Каперанг Коломец кивнул, выпуская сизое облачко табачного дыма.

– Правильно мыслишь, старлей, – сказал он. – В ГРУ, Службе внешней разведки, в Генштабе, везде уверены: не только может, но и должен. Те, кто оплатил этот, заказывали не один такой теракт, а два или три. Или больше...

– И в результате нефтепровод будет проложен по территории Ирана, – подытожил Полундра.

– Верно! – подтвердил каперанг. – Мы должны этого не допустить. На карту поставлены не просто большие деньги и выгодный проект. Речь идет о престиже нашей страны, о ее репутации в глазах мирового сообщества. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга.

Каперанг посмотрел на сидевшего перед ним Полундру в упор.

– Поэтому, старлей, командование флота приняло решение направить тебя в секретную командировку в Дагестан. – Каперанг Коломец чеканил каждое произносимое слово. – Поставлена задача: расследовать обстоятельства произошедшей катастрофы; выявить и обезвредить возможных иностранных резидентов, находящихся в Дагестане и имеющих отношение к теракту; обеспечить безопасное строительство нефтепровода и предотвратить готовящиеся теракты, возможность совершения которых оценивается как чрезвычайно высокая. Новых взрывов на строительстве нефтепровода не должно быть! – не сводя жесткого, пристального взгляда с североморца, отчеканил он. – Приказ понятен?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга!

Полундра вскочил было, но каперанг устало махнул рукой: сиди, мол, разговор еще не окончен.

– Поедешь в штатском, – продолжал каперанг, на этот раз уже более спокойным голосом, не глядя на Полундру. – Ситуация там весьма нестабильная и неясная... Хуже всего то, что мы до сих пор точно не знаем, кто наш противник.

– Не знаете? – удивленно переспросил Полундра. – Но вы же сами говорили, товарищ капитан первого ранга... Эти теракты выгодны Тегерану...

– Говорил, – не стал отказываться Коломец. – Только ведь, по большому счету, все это не более чем домыслы. Я повторяю: никаких доказательств связи иранских спецслужб с произо-

шедшим возле острова Чечень у нас нет. И, что хуже всего, нам ничего не известно о наличии иранских резидентов в Дагестане...

– Понятно, – проговорил Полундра довольно уныло. – Это значит, что придется ловить черную кошку в темной комнате, даже толком не зная, есть ли она там...

– Вот именно, – подтвердил каперанг Коломец. – Потому-то мы и посылаем тебя. В своем роде ты теперь тоже резидент. Резидент в своей собственной стране.

Полундра некоторое время смотрел на своего командира озадаченно.

– Резидент? – переспросил он осторожно. – Значит, есть подозрение, что там, среди своих, имеется предатель?

Каперанг Коломец помолчал, выпуская клубы дыма из своей трубки. Наконец ответил:

– Это тоже только предположение... Никаких точных данных нет. Но ты сам рассуди: если подорвали и сторожевик, и трубоукладчик, да еще так, что в живых никого не осталось... В Генштабе сделали вывод: мы имеем дело или с профессионалами высочайшего класса, или с людьми, очень хорошо обо всем информированными. Возможно, что в данном случае – и то, и другое сразу...

Каперанг докурив свою трубку, стал осторожно вытряхивать еще горячий пепел в пепельницу.

– К останкам затонувших судов кто-нибудь спускался? – осторожно спросил Полундра. – Обследовал их корпус? Что это было, мина, торпеда, ракета?

– Никого там еще не было, – отвечал каперанг устало. – Вот ты приедешь, сам туда и спустишься, определишь. Расследование этого теракта поручено тебе. От начала до конца...

– Есть, товарищ капитан первого ранга, – ответил Полундра, но на этот раз как-то без особого воодушевления.

– По прибытии в Махачкалу поступаешь в распоряжение местной структуры ФСБ, – продолжал Коломец. – Твой непосредственный начальник – подполковник ФСБ Исрафилов Абдул-Керим Рашидович.

– Понятно...

– погоди, это еще не все, – остановил его каперанг. – Один высокопоставленный офицер Службы внешней разведки меня попросил тебе конфиденциально намекнуть, что много больше, чем местному ФСБ, в Москве доверяют начальнику дагестанского подразделения ГРУ... Есть там такой полковник Крягин, Николай Михайлович. Прибудешь в Махачкалу, свяжись еще и с ним. Он уже давно работает в Дагестане и знает местную ситуацию как никто. Все понятно?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга! – отчеканил Полундра.

– Ну, вот и хорошо, – каперанг Коломец устало поднялся из-за стола. – Ну, давай, старлей... Желаю тебе успеха.

Каперанг крепко пожал Полундре руку и даже по-отечески похлопал североморца по плечу. В утомленных, покрасневших от недосыпания и табачного дыма глазах командира читалась искренняя озабоченность и тревога.

* * *

Серое дождливое утро в заполярном городке чуть брезжило мутным светом, мелкий как пыль сентябрьский дождь моросил из нависших словно бы над самой головой свинцово-серых туч. Было не так уж холодно, очертания дальних предметов скрадывала пелена утреннего тумана, который едва ли разойдется в середине дня. По меркам северного заполярного городка, погода стояла хорошая, теплая для этого времени года. Только уж больно печальная, унылая, словно она заранее оплакивала кого-то, лила тихие непрерывные слезы, покорно и безнадежно.

Перрон небольшой железнодорожной станции был, несмотря на ранний час, заполнен пассажирами. Все эти люди собрались здесь, чтобы уехать в город.

Электричка до Мурманска, тяжело вздыхая воздушными тормозами, подкатила к платформе и остановилась у перрона. Люди быстро поднялись в вагоны, и платформа быстро опустела. Только один из пассажиров, высокий атлет с волевым обветренным лицом, не спешил садиться в вагон, все стоял на перроне под дождем рядом с провожавшими его женой, белокурой красавицей, и маленьким сыном.

– Пап, а ты мне привезешь что-нибудь в подарок? С Каспийского моря... – Маленький Андрюшка Павлов подергал отца за рукав.

– Привезу обязательно! – Полундра, наклонившись, подхватил своего сына, посадил на могучие плечи. – Ты тут пока веди себя хорошо. Не огорчай маму.

– Я и так... И так никогда ее не огорчаю.

Жена старлея меж тем, не отрываясь, смотрела ему в глаза.

– Будь осторожен там... Береги себя.

– Да ну, пустяки! – Полундра ободряюще улыбнулся. – Каспий – море теплое, не то что наше Баренцево. Хоть весь день в нем плавай. И акул совсем нет. Так чего же тогда бояться?

– Если бы только акулы! – Белокурая жена моряка улыбнулась и грустно покачала головой. – Вот ведь трубоукладчик...

– Наташка, не бери в голову! – воскликнул Полундра, бережно обнимая жену за плечи и целуя ее. – В том, что там произошло, я разберусь. Не бойся! Со мной ничего худого не случится.

Голос станционного дежурного объявил по громкоговорителю, что электричка на Мурманск отправляется. Полундра, наскоро поцеловав жену и спустив своего сынишку на землю, подхватил чемодан, запрыгнул в вагон поезда. Электричка протяжно свистнула, с грохотом дернулась, трогаясь с места. Стоящий в тамбуре Полундра махал рукой на прощанье, Наташка и сынок махали ему в ответ до тех пор, пока набирающий скорость поезд не скрылся из виду.

ГЛАВА 6

Морской катер Шамседдина Халифа, профессора ихтиологии из Бостонского университета, американца по паспорту, курда по национальности, вовсе не был одной из тех заурядных маломерных посудин, какие сотнями бороздят спокойные зеленые воды Каспийского моря. Внешне он был ничуть не похож ни на широкие лодки прикаспийских рыбаков, ни на шикарные моторные яхты, на которых устраивала прогулки по морю местная элита. Корпус катера Шамседдина, небольшого, но весьма вместительного и удобного, особенно для плавания в одиночку, показывал каждому, хоть сколько-нибудь смыслящему в кораблестроении, что это судно способно выдержать даже самый яростный из штормов, которые редко, но все-таки случаются на просторах Каспия. Несмотря на свои смешные размеры, это суденышко будет плавать как поплавков даже при самой высокой волне, и в то же время особая форма корпуса и мощные двигатели позволяли ему при тихой погоде и спокойном море развивать скорость почти до сотни километров в час. Необычность, неординарность катера еще сильнее подчеркивала внушительных размеров антенна спутниковой навигации, укрепленная на крыше ходовой рубки. Катер Шамседдина был выкрашен в ослепительно белый цвет, никелированные металлические части его конструкции блестели на солнце, и, когда это небольшое судно проскользило по грязной, замусоренной акватории гражданской части порта Пехлеви, направляясь к выходу в открытое море, многочисленные рабочие и просто случайные люди в порту остановились, побросали все свои дела и молча и восхищенно смотрели ему вслед. Сам Шамседдин Халиф, хозяин великолепного катера, в этот момент смотрел на оставляемый им порт.

Шамседдин и в самом деле был невысокого роста, весьма щуплый и тщедушный человек лет сорока с небольшим. Его характерного восточного типа лицо, украшенное небольшой клинообразной бородкой, было умным и спокойным – настоящее лицо ученого, готового на любые личные жертвы ради науки. Несмотря на свою восточную внешность, небольшой рост и отсутствие очков, Шамседдин Халиф, профессор ихтиологии из Бостона, чем-то неуловимо напоминал Паганеля, чудаковатого профессора географии из знаменитого романа Жюль Верна.

На палубе катера Шамседдина красовалось аккуратнейшим образом сложенное оборудование и снаряжение для ихтиологической экспедиции. Рыболовные сети и сачки лежали упакованные в специальные брезентовые чехлы, прочно принайтованные к палубе. Портативная химическая лаборатория для анализа морской воды, а также истертый коврик для намаза располагались на баке, в носовой части судна, на самом почетном месте. Тройной запас дизельного топлива, находящийся тут же, на палубе, в больших двадцатилитровых канистрах, тщательно накрытых брезентом, а также запасы питьевой воды в пластиковых бутылках говорили о том, что плавание профессор-ихтиолог наметил себе долгое и трудное.

Шамседдин в последний раз оглядел остававшийся за кормой иранский порт Пехлеви, кивнул, сам с собой в чем-то соглашаясь, дал дизелям большие обороты. Катер побежал быстрее к выходу из порта. Небольшое судно было устроено таким образом, что им нетрудно управлять в одиночку. Шамседдин стоял за штурвалом, оглядываясь назад, где в белесой дымке скрывались из глаз очертания города. Катер, оставляя за собой пенный след, продвигался на север, туда, где располагалась территория Азербайджана, а дальше, еще севернее по западному побережью Каспийского моря, начиналась территория России, ее кавказской республики Дагестан.

Когда южный берег моря скрылся за линией горизонта, Шамседдин еще некоторое время продолжал следовать северным курсом, но потом заглушил двигатель, пустил катер дрейфовать, сам же спустился в единственную каюту на катере, где, помимо койки, шкафа с посудой и небольшого кухонного хозяйства, находился специальный шкаф с книгами и судовыми доку-

ментами. На отдельном столе в углу располагались пульта управления разного рода приборов и устройств. В их числе были особо чувствительный эхолот, радиолокатор, акустический прибор для прослушивания звуков, раздающихся в толще воды, а также мощный аппарат спутниковой связи.

Как раз за пульт последнего и уселся теперь Шамседдин. Достал из ящика стола небольшой листок бумаги, на котором были аккуратно от руки написаны длинные ряды цифр и арабских литер. Однако они следовали друг за другом в таком своеобразном порядке, так странно чередовались между собой, что никак не верилось, что это был обычный арабский текст. Он и не был обычным, он был зашифрован. И вовсе не на арабском, а на курдском языке. Это представляло значительную трудность для дешифровщиков, поэтому Шамседдин доверял своему шифру и не боялся передавать зашифрованные с его помощью сообщения прямо в эфир возле иранских берегов.

Шамседдин включил рацию, надел наушники, стал настраиваться на нужную волну. Сообщение, что собирался он передать, было огромной важности и срочности, поэтому он воспользовался запасной частотой, предназначавшейся специально на случай особых формальных обстоятельств. Что ж, теперь и были как раз такие.

Шамседдин настроился на эту частоту, выстукал свои позывные и тут же получил ответ. Он приготовился к передаче, внимательно глядя на лежащий перед ним листок с зашифрованным текстом, как вдруг протяжный, хватающий за сердце вой сирены раздался снаружи, возле самого его катера.

Ихтиолог поспешно выглянул в крохотный иллюминатор своей каюты: прямо к нему на полной скорости, вздымая тучи брызг, приближался катер береговой охраны. Даже если бы на корме его не полоскался трехполосный зелено-бело-красный государственный флаг Исламской Республики Иран, то Шамседдин и по виду этого судна догадался бы, кому оно принадлежит. Тем более что приказ оставаться на месте, переданный по мощному громкоговорителю, прозвучал вовсе не по-английски, как того требуют морские правила, и даже не по-арабски, а на фарси, государственном языке Ирана.

Шамседдин поспешно отключил рацию, схватил листочек с шифром, огляделся, куда бы спрятать, – и не нашел ничего лучше, как сунуть в рот, торопливо разжевать и проглотить этот исписанный гелиевыми чернилами кусок бумаги. Потом Шамседдин выбрался на палубу. Иранский сторожевик остановился в сотне метров от катера ихтиолога, нацелив на него все свое вооружение, и стал спускать надувную моторную лодку. В нее запрыгнули трое стражей исламской революции, мотор взревел, и крохотное суденышко помчалось по направлению к катеру.

Шамседдин вежливо помог двум иранским пограничникам взобраться на свой катер, третий остался в моторке на румпеле. Старший по званию долго и придирчиво рассматривал документы, поданные ему ихтиологом, потом сказал на фарси:

– Мы запеленговали радиосигнал, исходящий откуда-то из этого квадрата. Этот сигнал шел вне предусмотренного эфирного коридора...

– Я не знаю, – учтиво кланяясь, возразил Шамседдин. – Я не слежу за эфиром.

– Но разве это не вы пытались выйти на связь? – пристально глядя на низкорослого профессора сверху вниз, спросил иранский пограничник. – В этом районе просто больше нет судов со спутниковой антенной. А у вас такое оборудование имеется.

– Но мне нужно было передать важные сведения! – оправдываясь, воскликнул Шамседдин. – Это касается моей научной работы.

– Какой научной работы?

– Я ученый, ихтиолог! – отвечал Шамседдин. – Я изучаю нерест осетровых рыб...

– Всякий, пытающийся проникнуть в священную волю Аллаха, создавшего этот мир, совершает грех, – фанатично сверкнув глазами, заявил иранец. – Тебе придется вернуться в порт и предстать перед судом шариата...

Он повернулся к дрейфовавшему неподалеку сторожевому катеру и помахал ему рукой.

Тут же сторожевик взревел мотором и направился к катеру ихтиолога. Подошел вплотную, сильно толкнувшись бортом, на палубу спрыгнули несколько иранских пограничников, они принялись прикреплять швартовы к носовым кнехтам, готовясь брать катер ихтиолога на буксир.

Его самого тем временем повели на иранский сторожевик. Перебираясь через борта, коротышка-профессор споткнулся, упал на чью-то ногу, которая легко, словно футбольный мяч, отбросила его к борту. Он судорожно схватился за леерные канаты, чтобы не вывалиться за борт, стоявшие вокруг и смотревшие на это стражи иранской революции весело рассмеялись, обнажая белые зубы.

Профессор кое-как выпрямился, снова направился к стоящему возле ходовой рубки капитану, и снова подножка, он полетел головой вперед, попал на чей-то ловко подставленный кулак, его отшвырнули в сторону, и он растянулся на палубе во весь свой невеликий рост. Поднялся, глядя на иранцев затравленно, вытирая кровь из разбитого носа. Снова направился к капитанскому мостику, снова чья-то рука занеслась было над ним, но резкий окрик капитана остановил это издевательство. Глядя на него с благодарностью, Шамседдин проследовал в капитанскую каюту.

Вид у командира иранского сторожевика, когда тот опустился в кресло в своей каюте, оставив шуплого профессора ихтиологии стоять, был весьма мрачный и недовольный.

– Вы нарушили законы Исламской Республики Иран, – тяжело, точно роняя стопудовые гири, начал командир иранских пограничников.

– Но я простой ихтиолог! – Вид у Шамседдина, тощего, побитого, был отменно жалкий и несчастный. – Я мусульманин-шиит, ваш единоведец! Я никому не желаю зла... Но, клянусь Аллахом, в моей голове не было дурных мыслей! Мне просто надо было выйти на связь, чтобы передать сообщение о важнейшем научном открытии, которое я только что сделал. Это открытие имеет исключительное значение для науки...

– Науки? – гневно сверкнув глазами, воскликнул капитан пограничного сторожевика. – Да, наука! Ведь для вас она превыше всего!

Капитан встал и сделал два шага по узкому пространству каюты. Заговорил горячо, убежденно:

– Вы, американцы, тратите миллиарды долларов на эту самую науку! А по всему миру люди голодают. Дети болеют и умирают от недоедания, нехватки лекарств, нездорового образа жизни. А вы, американцы? Вместо того чтобы помочь им, тратите бешеные деньги, наблюдая за игрой рыбок в море!

– Я готов пожертвовать сто долларов на бедных детей города Пехлеви! – воскликнул американский профессор, хватаясь за бумажник.

Глаза капитана сторожевика блеснули жадным блеском, а губы непроизвольно скривила довольная ухмылка. Однако он справился с эмоциями, строго сдвинул брови.

– Твои сто долларов... – сказал он.

– Хорошо, я готов пожертвовать двести долларов! – поспешно заявил курд. – Я передаю их вам, капитан, и надеюсь, что вы достойно распорядитесь этой суммой, разделите ее среди беднейших из бедных...

Капитан снова самодовольно улыбнулся, удовлетворенно кивнул. Шамседдин полез в бумажник, извлек оттуда две зеленые стодолларовые купюры, но тут в дверь капитанской каюты постучали. Капитан с досады крикнул. Шамседдин поспешно убрал доллары обратно в бумажник.

– Капитан! На задержанном катере нашли вот это!

Вошедший пограничник кинул на стол капитану красно-коричневый, с серебряным двуглавым орлом на переплете, с надписью на русском языке – одним словом, самый настоящий российский, – паспорт. Капитан в изумлении вытаращил глаза. Профессор ихтиологии закусил губу.

– Очень интересно! – сказал капитан, открывая паспорт. – Вы же вроде бы гражданин Соединенных Штатов...

Он, морщась, беспомощно таращил глаза на русские буквы, потом махнул рукой, так и не сумев разобрать написанное в паспорте имя.

– Фотография твоя! – Капитан показал паспорт курду. Там действительно была вклеена фотокарточка профессора ихтиологии из Бостонского университета. – Как же все это понимать? – багровея от гнева, воскликнул он. – Ты американец? Или русский? Кто ты?!

– Я вам сейчас все объясню, капитан! – Шамседдин Халиф вскочил навстречу капитану. – Только не принимайте поспешных решений! Это может повредить всему исламу!

– Что? Исламу?

– Этот паспорт мне выдали по личному приказу Сумейни! – продолжал Шамседдин. – Мне нужно поговорить с вами наедине, капитан.

Тот нахмурился, оглядел стоящего перед ним щуплого ихтиолога с ног до головы. Наконец решился, кивнул стоявшему у двери пограничнику. Тот послушно вышел из каюты, закрыв за собой дверь.

Капитан снова уселся за стол с самым мрачным и хмурым видом. Он поднял было глаза, собираясь что-то спросить, – и получил сильнейший удар между глаз. Капитан, даже не охнув, рухнул на пол, лужица крови медленно растекалась по полу вокруг его головы.

Вырубив капитана, Шамседдин поспешно оглянулся на дверь. Нет, все было тихо, никто ничего не заподозрил.

Тогда Шамседдин кинулся к шкафу, который стоял в каюте. Быстро обыскав его, нашел там оружие. Извлек из шкафа автомат, прицепил к нему магазин с патронами. Прихватив к автомату еще две гранаты и длинный кинжал с острым и прочным лезвием, Шамседдин осторожно выбрался из капитанской каюты.

Неподалеку от двери стоял тот самый пограничник, очень удивленно воззрившийся на выходящего из капитанской каюты ихтиолога – Шамседдин вырубил его мощным и стремительным ударом приклада в лоб, так что хрустнули кости и брызнула кровь. Не успев даже застонать, пограничник рухнул на пол.

Шамседдин выбрался на палубу. При виде его четыре матроса на юте вскочили на ноги – но по странной беспечности они были безоружны. Один из них, самый догадливый, вскрикнул, и на зов явился старпом с автоматом.

Длинной очередью из автомата Шамседдин скосил старпома и четверых матросов на юте, которые, как последние идиоты, продолжали стоять и глазеть на происходящее. Они повалились на палубу, корчась от боли. Выскочивший из машинного отделения старший механик получил полный заряд свинца в грудь и рухнул в недра своего судна. Вытащив из кармана гранату, Шамседдин метнул ее в пришвартованный у борта мотобот, от взрыва сторожевик сильно тряхнуло. Вторая граната полетела в открытый люк машинного отделения. Судно сильно задрожало, внутри его зарокотало глухо и страшно; посыпались стекла. Палубные надстройки заходили ходуном, в воздухе летали гайки, осколки стекла, мелкие металлические обломки.

Присев у борта сторожевика, Шамседдин дал несколько очередей по высовывавшимся из разных углов судна физиономиям, пока высовываться стало некому, а затем, повернувшись к своему катеру, стал точными одиночными выстрелами снимать находившихся на нем пограничников. Совершенно не ожидавшие такого от щуплого профессора, напуганные взрывами

и стрельбой, те не оказывали никакого сопротивления и безмолвно, словно куклы, валились за борт.

Очистив свой катер от посторонних, Шамседдин кинулся в радиорубку. Тяжело раненый и контуженый радист, пытавшийся из последних сил наладить связь с базой и передать туда сообщение о нападении, выстрелил в него из пистолета. Пуля распоролла одежду. Через мгновение радист, изрешеченный автоматной очередью, истекал кровью в предсмертных хрипах. Шамседдин дал несколько длинных очередей по радиоаппаратуре. Брызнули во все стороны осколки стекла и пластмассы. Аппаратура полыхнула тусклым желто-синим, источающим едкий дым пламенем.

Выскочив на палубу, Шамседдин нырнул в трюм. Один за другим открыл там кингстоны, внутрь судна хлынула забортная вода.

Он снова выскочил на палубу, ловко, в одно мгновение, перебрался на борт своего катера, размотал скреплявшие два судна буксировочные тросы. С досады кусая губы, смотрел на следы пуль, оставленные на палубных надстройках катера его же собственными выстрелами. На палубе виднелись пятна крови.

С силой размахнувшись, Шамседдин в ярости швырнул свой автомат в сторону быстро погружающегося в воду иранского пограничного катера. Из-за этого дурацкого стечения обстоятельств он теперь засветился перед иранскими спецслужбами! Как глупо...

Высоко задрав корму, пограничный катер погрузился в воду, на поверхности моря на его месте образовался, но вскоре рассеялся небольшой водоворотик. Масляное пятно, рядом с ним несколько искромсанных пулями трупов, да запах едкой гари от горячей рации – вот и все, что осталось от сторожевого катера иранской береговой охраны.

Шамседдин пробрался в ходовую рубку своего катера, завел мотор, с ходу дал полный газ. Судорожно ухватился за штурвал. Оставляя за собой пенный след, катер развернулся и быстро поплыл прочь от места трагедии. Лицо тщедушного профессора ихтиологии из Бостона было бледно, но решительно. Его катер по-прежнему шел на север, прочь от иранского берега.

ГЛАВА 7

Управление Федеральной службы безопасности по Дагестану располагалось в центре Махачкалы в неприметном, но добротном, казенного вида здании, основательно охраняемом, как и положено объектам такого уровня в регионах с не совсем стабильной политической обстановкой.

На двери одного из кабинетов, который помещался на втором этаже, красовалась табличка «Заместитель начальника отдела по борьбе с терроризмом подполковник Исрафилов Абдул-Керим Рашидович». А сам его хозяин, вышеупомянутый подполковник госбезопасности Исрафилов, лысый, маленького роста и какой-то плюгавый на вид мужичок, лицо которого, однако, несло на себе отпечаток активного и удачливого в юности ухажерства, сидел теперь за роскошным, орехового дерева столом внутри этого кабинета и работал.

Работа эта на данный момент состояла в чтении оперативных сводок за прошедший день. Просматривая их, Исрафилов красным маркером отмечал заинтересовавшие его сообщения. Большая часть из них оставалась вовсе без пометок, их Исрафилов просто откладывал в толстую пачку. Иногда он ставил на сообщении точку, или галочку, или какой-нибудь другой, особенный знак или даже писал на сообщении фамилию какого-нибудь своего подчиненного – это значило, что данная информация должна иметь особенный интерес именно для этого служащего его ведомства. Но иногда Исрафилов останавливался, заинтересованно перечитывал оперативное сообщение, обводил его в конце концов красным маркером и бережно укладывал в папку, на обложке которой было выведено: «Оперативный контроль».

Вот красный маркер замер над сообщением о том, что вчера в столице Дагестана появился некий мужчина лет тридцати, в штатском, но с несомненно военной выправкой, атлетическим телосложением, однако же на спортсмена или телохранителя какого-нибудь крупного местного или заезжего криминального авторитета не похож. Лицо обветренное, выражение волевое, угрюмое, голос командный. Цель визита неопределенная, предположительно – горный туризм. Однако остановился этот человек в гарнизонной гостинице «Звездочка», снял номер на неопределенное время и, похоже, в горы выезжать не торопится.

Исрафилов еще раз внимательно перечитал сообщение, обвел его красным маркером, положил прямо перед собой. Снял трубку внутреннего телефона и набрал номер из трех цифр.

– Сергей? – сказал он в трубку. – Будь добр, окажи услугу... Прибыл вчера в наш город человек по имени Сергей Павлов, остановился в гостинице «Звездочка». Он у тебя зарегистрирован? Очень хорошо... Будь так добр, глянь, что у него в паспорте стоит в графе «прописка»... Город Полярный, Мурманская область?.. Хорошо, спасибо... Век не забуду...

Он положил трубку, усмехнулся, покачал головой, задумчиво глядя на листок с оперативным донесением.

Набрал еще один номер телефона.

– Алибек? Это подполковник Исрафилов тебя беспокоит... Слушай, скажи... Ты в городе Полярном ведь бывал... Ну, каком, каком... Который в Мурманской области. Ну да, этот самый... Так вот... Этот Полярный, он что, закрытый для посторонних? Нет?.. И в нем штатские люди живут?.. В смысле, которые с флотом не связаны... Я понимаю, что женщины, я говорю про мужчин... В принципе, есть, да?.. Но все больше военных моряков... Понятно. Ну, спасибо! Как здоровье?.. Молодец, у меня тоже все нормально...

Исрафилов положил трубку, еще некоторое время сидел, задумчиво уставившись на листок бумаги с оперативным донесением. Улыбка словно застыла на его губах.

Звонок мобильного телефона отвлек подполковника от его многотрудных дум, он взял трубку.

– Это я! – В ухе у него прозвучал приятный грудной женский голос. – Я уже внизу. Позвони, скажи, чтобы меня к тебе пропустили...

– Хорошо, Аннушка, – отвечал Исрафилов.

Он отключил мобильник, на диске внутреннего телефона набрал номер из трех цифр.

– Говорит подполковник Исрафилов... Там моя жена на проходной, пропустите ее... Хорошо...

Положив трубку, Исрафилов нервно оглядел свой стол, заметил отложенную в сторону и помеченную красным маркером оперативную сводку. Снова взял ее в руки, задумчиво смотрел на нее некоторое время, потом покачал головой, улыбнулся и спрятал листок в папку с грифом на крышке: «Оперативный контроль».

Несколько раз нервно оглянулся на дверь, прислушиваясь к раздававшимся снаружи шагам по коридору. Тем не менее он вздрогнул от неожиданности и поспешно вскочил, когда дверь открылась и на пороге появилась высокого роста женщина лет тридцати, стройная и статная, с гладкой румяной кожей лица и пышным могучим бюстом. Ее светло-золотистые волосы волнами ниспадали ей на плечи. Она была замечательно красива.

Исрафилов при ее появлении проворно выскочил из-за стола, подбежал к своей жене, поднялся на цыпочки, чтобы дотянуться и чмокнуть ее в ярко-алые губки. Та была на целую голову выше подполковника ФСБ и не потрудилась наклониться, чтобы облегчить своему супругу задачу.

– Я скучала без тебя, Алешка, – мелодичным голосом проговорила она. – Я дома все одна, одна... А ты все на работе, на работе...

– Что поделаешь, Анна, – отвечал Исрафилов как-то излишне сухо и парадно. – Мы служим Родине... Времени на личную жизнь у нас нет...

Исрафилов прошел, сел за свой рабочий стол, стал внимательно и с самым серьезным видом перебирать бумаги.

– Вот, видишь, – сказал он, – сколько оперативных донесений пришло... Надо их все разобрать, внимательно прочитать, по каждому принять решение. Времени на все остальное решительно не остается...

– Все трудишься, Алеша, милый, – пропела его супруга. – Все работаешь... Пашешь как проклятый.

Исрафилов углубился в чтение сообщений. Его жена, посмотрев на него немного иронически и даже с презрением, однако ничего не сказала, но кокетливо присела на край стола рядом с ним и стала легонько водить указательным пальчиком по лысине подполковника. Если бы кто в это время вошел в кабинет Исрафилова, то он непременно подумал бы, что большего счастья, согласия и взаимопонимания между супругами, чем в семействе Исрафилова, на свете и быть не может.

ГЛАВА 8

Полундра больше, чем ему хотелось, плутал в узких и тихих улочках центральной – старинной – части Махачкалы, прежде чем оказался перед небольшим, ничем особенно не примечательным кафе в полуподвале старинного купеческого дома. Постояв некоторое время перед дверью, он машинально огляделся. Впрочем, на тихой и провинциального вида улочке не было ничего подозрительного.

Войдя в кафе, в тот час не особенно заполненное посетителями, Полундра сразу же заметил седого мужчину, сидевшего в одиночестве за столиком. У этого мужчины лицо было неожиданно розовым, моложавым, худощавым, и если забыть про белые как снег волосы, ему было на вид лет сорок или сорок пять. Несмотря на то что одет он был в обычную осеннюю курточку нараспашку и темные брюки, военная выправка так и сквозила в каждом его движении. Он сидел за своим столиком и с невозмутимым видом читал газету. Рядом с ним на столике лежала почерневшая и прокоптившаяся курительная трубка, початая пачка курительного табаку и спички, и стояла пустая кофейная чашка.

Не спеша, спокойной походкой Полундра прошел через крохотный зал кафе и молча уселся за столик седого военного. Тот, казалось, ничуть не удивился этому, лишь на миг поднял глаза от газеты, которую читал, и словно бы не обратил на подсевшего ни малейшего внимания.

– Как разведчики на секретную встречу, по одиночке приходим, – первый не выдержав длящегося молчания, заговорил Полундра. – В собственной стране – шпионы...

Военный спокойно отложил газету, посмотрел на сидящего перед ним Сергея Павлова в упор своими ясными, спокойными глазами.

– Это ты считаешь, что мы в собственной стране, старлей, – спокойно проговорил он. – А на самом деле тут все не так просто.

– Что не так просто? – спросил Полундра несколько запальчиво. – Вы что же, не считаете Дагестан российской территорией, товарищ полковник?

Полковник Крягин невесело усмехнулся, покачал головой.

– Я могу считать все, что угодно, – сказал он. – Существует объективная реальность... Ладно, старлей! Ты что предпочитаешь, пиво или кофе?

– Вообще-то пиво...

– Тогда я возьму себе еще чашечку. Хоть кофе здесь дрянь дрянью... – Полковник кивнул на стоявшую перед ним пустую чашечку. – А ты возьми пива или вина, оно вроде бы тут поприличнее. Чтобы у нас хотя бы чуточку был вид, будто мы тут случайно с тобой встретились...

Когда перед полковником Крягиным оказалась еще одна крохотная чашечка горячего черного кофе, а перед Полундрой возник высокий бокал пива, разговор продолжился.

– Кто-нибудь видел, как ты сюда заходил? – строго спросил Крягин, глядя на Полундру пристально. – Или ты не посмотрел?

– Посмотрел, товарищ полковник, – отвечал старлей, пожимая плечами. – У тротуара метрах в двадцати от входа припаркована машина, в ней кто-то сидит, да группа каких-то парней, кажется, местные, в скверике напротив... Послушайте, вы это серьезно? Думаете, кто-то следить за нами будет?

– А ты думаешь, никому мы на хрен не нужны?

– Своя ж страна...

– Своя, да не совсем, – возразил полковник хмуро, осторожно прихлебывая горячий кофе. – Это Дагестан. Понимаешь ты? Северный Кавказ... Не совсем Чечня, конечно... Но и не Рязанская область!

– Бандиты? Ваххабизм?

– Ну, воевать-то они не любят, – спокойно отвечал полковник. – Это чеченцы – народ воинов. А здесь живут аварцы, даргинцы... Народ, в общем, мирный... Пока им поперек дороги не встанешь.

– Мафия?

Полковник усмехнулся.

– Мафия в Италии, старлей! А здесь... Здесь родоплеменные отношения во всей своей первобытной красе. Кому-нибудь если и подчиняются, то не потому, что он поставлен начальником, а потому, что он глава рода. Или глава рода его на это дело благословил... И родов, кланов таких в Дагестане до черта... Нет здесь настоящей государственной власти! Здесь все продается и все покупается!

– Подпольный бизнес? – спросил Полундра.

– Подпольных бизнесов здесь несколько, – отвечал полковник. – Если считать большие, где приличные деньги крутятся. Таких, по мелочи, не считал и не считает никто... Нефть потихоньку из земли качают, на подпольных нефтеперерабатывающих заводах ее перегоняют на левый бензин, от которого у машин кольца горят да карбюраторы забиваются... Вот это первых.

– Левый бензин? – удивился Полундра. – Его и здесь гонят? Я думал, что только в Чечне...

– Этого здесь еще больше гонят, чем там, – возразил Крягин. – Наоборот, из Чечни нефть сюда везут на перегонку. В Чечне федеральные силы, армия, они хоть как-то борются с подпольными мини-заводами. А здесь большой армии нет, в милиции, прокуратуре, ФСБ все свои... Вот и есть возможность развернуться...

– А второй бизнес? – спросил североморец.

– Бизнес номер два – это море, Каспий, – отвечал полковник. – В нем ценные виды рыб, значит, браконьерство... Наркотрафик – это будет бизнес номер три... Ладно, у нас с тобой сейчас времени нет обо всем этом особенно распространяться. А то бы я тебе много чего мог порассказать.

– А как же прокуратура? ФСБ? – недоумевал Полундра.

– Я же тебе говорю: и в прокуратуре, и в спецслужбах, везде сидят свои люди, – отвечал полковник. – Пойдешь против них, значит, пойдешь один против всех.

– А ГРУ? – спросил старлей, пристально вглядываясь в моложавое лицо седого как лунь Крягина.

Тот грустно вздохнул.

– Ну, про родное ведомство мне не хочется плохо говорить. Да и, слава богу, не надо. В разведке, ты сам знаешь, все сплошь приезжие, русские, они с местными плохо состыковываются. Те, в свою очередь, приезжим сильно не доверяют. Но что такое наше разведуправление? Что оно может здесь сделать, одно против всех?

Полковник грустно умолк, потянулся к своей чашке недопитого и уже остывшего кофе. Полундра смотрел на него озадаченно и настороженно.

– Ладно, с лирикой пока закончим, – заявил Крягин решительно. – Поговорим о деле. С обстоятельствами происшедшего возле острова Чечень хорошо ознакомлен?

– Достаточно. – Полундра отхлебнул пива. – Как, по-вашему, товарищ полковник... Это действительно несчастный случай?

– А ты как думаешь, старлей?

Полундра снова отхлебнул из своей кружки.

– По-моему, таких несчастных случаев не бывает.

– По-моему, тоже, – сказал полковник.

Полундра поднял глаза, посмотрел на сидящего перед ним разведчика озадаченно.

– Пытались расследовать?

Полковник нахмурился, покачал головой.

– Наше дело – разведка и контрразведка. Расследованиями совершившихся преступлений и катастроф занимаются другие ведомства.

– Но кто-нибудь к затонувшим судам спускался?

– Нет, – отвечал полковник. – Да и кому это надо?

Полундра продолжал недоуменно глядеть на старшего офицера ГРУ.

– У ФСБ нет водолазов?

– Есть, конечно, – полковник усмехнулся. – Во всяком случае, при надобности найдут. Но что на затонувшие корабли никаких погружений не совершалось, в этом я могу поручиться...

– Какого ж хрена они тянут?

– Тебя ждут, наверное. – Полковник невесело засмеялся. – Самим им неохота в этом деле мараться, для того тебя и вызвали. Твоими руками всю кучу собираются разгрести.

Полундра кивнул, нахмурился.

– То-то я удивился, что поступил во временное подчинение ФСБ, а не разведки...

– Я сам этому удивился, – проговорил полковник задумчиво. – Когда прошел слух, что присылают специалиста-подводника с Северного флота, я подумал: командировка будет числиться по нашему ведомству. Ан нет, ФСБ ухитрилась переиграть... Их тоже понять можно, им не хочется в этом деле выносить сор из избы. Если что-то сорвется, получится вроде как их внутриведомственная разборка. Все шито-крыто.

– Что там за люди? – спросил Полундра.

– В ФСБ? – Полковник потянулся было к пустой чашечке, потом, опомнившись, отставил ее прочь от себя. – Ты поступаешь в прямое подчинение подполковника Ибрафилова, заместителя начальника отдела по борьбе с терроризмом. Абдул-Керим Рашидович – личность в Махачкале известная... Я лично с ним, правда, незнаком, но наслышан много. Характеристики по ведомству на него великолепные: трудяга, отличные оперативные качества, кристальной честности...

– Он из местных? – перебил его Полундра.

– Он аварец, – подтвердил полковник. – И в этом-то все и дело... Есть у нас информация... которую мы дальше собственного разведуправления пока не решаемся пускать... Но тебе я скажу: есть у нас очень серьезные опасения, что Ибрафиллов не тот человек, за кого себя выдает и кем хочет казаться. Или, по меньшей мере, не совсем тот...

– Не совсем тот? – переспросил Полундра. – А если поподробнее?

– А если поподробнее... – Полковник задумчиво потер свой лоб, пригладил белые как снег волосы. – Есть намеки на связь Ибрафилова с некоторыми местными криминальными структурами. Но это только намеки. Никакой конкретной оперативной информации, которую мы могли бы передать в управление собственной безопасности при ФСБ, у нас нет. Так что единственное, что я могу в данной ситуации тебе посоветовать, – это быть предельно осторожным. Причем не только с Ибрафилловым, а лучше всего со всеми, с кем бы ни пришлось тебе встречаться, разговаривать. Со всеми! Начиная с меня...

– С вас? – Полундра пристально посмотрел на своего собеседника. На губах полковника Крягина играла невеселая улыбка.

– Да, и меня тоже, – сказа он, кивая. – Понимаешь, мы ведем игру против неизвестного, но очень умелого и опасного противника. Противника, который не остановится ни перед чем для достижения своих целей. Так что никакая предосторожность не окажется лишней. Надеюсь, ты понимаешь меня.

Нахмурившись, Полундра смотрел прямо перед собой, напряженно соображая. Пустой бокал стоял перед ним на столе.

– Ты, старлей, в Махачкале где поселился? – нарушил возникшее было молчание полковник ГРУ.

– В гостинице «Звездочка»... Написал для отвода глаз, что цель командировки – инструктаж личного состава Каспийской военной флотилии...

– Это правильно, – согласился Крягин. – Лишняя предосторожность никогда не мешает. Ну что ж, желаю успеха в твоём расследовании.

Он протянул руку для рукопожатия. Полундра поднялся из-за стола.

– И я тебя очень прошу, – продолжал полковник, – держи меня в курсе. Встречаться будем, как сегодня, нечего тебе лишний раз в нашей конторе светиться... И всегда можешь рассчитывать на нашу помощь.

Крепко пожав руку полковника на прощание, Полундра направился к выходу из кафе. Крягин, оставшись сидеть, потянулся к трубке, во время разговора так и пролежавшей без дела, стал набивать ее.

ГЛАВА 9

В расположенном на двенадцатом этаже высотного здания в центре Пехлеви кабинете Сумейни мерно гудел кондиционер, создавая приятную прохладу. Огромные окна оставались по-прежнему закрытыми жалюзи и тщательно зашторенными. Впускать слишком много солнечного света в свои жилища вообще не в правилах жителей Ирана, тем более теперь, когда на улице в конце сентября по-прежнему, словно в середине июля, буйствует жара.

Двое мужчин, сидя в покойных глубоких креслах, беседовали между собой неторопливо и обстоятельно.

– Есть новости касательно курда... Вы помните? Американского курда... Его имя – Шамседдин Халиф...

Исмаил с опаской посматривал на бесстрастное, желтое, словно старая пергаментная бумага, изрытое морщинами лицо Сумейни, окаймленное жиденькой белой бородкой. Однако тот сидел с невозмутимейшим видом и никак не выказывал, что вообще слышал обращенные к нему слова своего помощника.

– Боюсь, что это плохие новости... – осторожно закончил Исмаил.

– Говори!

Лицо Сумейни оставалось бесстрастным, его взгляд был устремлен в одну точку куда-то мимо присутствовавшего в комнате Исмаила. Взгляд фанатика, способного на любые человеческие жертвы ради овладевшей его умом отвлеченной идеи.

– Вчера утром получен сигнал от сторожевого судна стражей исламской революции. Было сообщено о задержании некоего катера, похожего на катер Шамседдина...

– Похожего? Что значит похожего? – Пламенеющий взгляд Сумейни теперь был устремлен прямо на Исмаила. – Они что же, толком его не рассмотрели? Они его упустили?!

Исмаил сильно смешался под этим прямым, жгучим взглядом старика, залепетал поспешно:

– Как мне объяснили в службе береговой охраны, сигнал от нашего сторожевого катера вскоре пропал, и больше на связь они не выходили...

– Почему?

– Этого никто не знает...

– Не знает? – Сумейни резко выпрямился в кресле. – А сам сторожевой пограничный катер? Куда он делся?

– Сам катер также никто больше не видел, – стараясь не глядеть в сверкающие гневом глаза старика, отвечал Исмаил. – В Пехлеви он не вернулся...

Сумейни нахмурился, в задумчивости стал бережно, ласково поглаживать тощую седую бородку. Исмаил продолжал:

– С нашего катера перед самым его исчезновением получены две радиogramмы довольно странного содержания. В первой из них говорится, что они запеленговали выход в эфир и вызов на связь с какого-то подозрительного передатчика. Он находился где-то в море, и наши люди сообщили, что идут с ним разбираться. Потом, минут через сорок, они снова вышли на связь и доложили, что на их судно совершено нападение. В эфире и в самом деле слышались выстрелы и взрывы. Их попросили сообщить, кто напал, но тут связь внезапно оборвалась на полуслове. В штабе береговой охраны пытались снова связаться с ними, но ничего не получилось, никто со сторожевика больше не отозвался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.